

Елена Малозёмова

Осколки

Елена Николаевна Малозёмова

Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67787903

SelfPub; 2023

Аннотация

В данном сборнике миниатюры, новеллы и статьи посвящены жизни обычных людей в СССР. Писатель отлично владеет литературным языком. Произведения читаются легко и с интересом.

Содержание

1. Ехали цыгане	6
2. Воспоминание о будущем	12
3. Карантины, карантин...	16
4. Ленин и колёсико	19
5. Тюльпаны	24
6. Ольга Ивановна	27
7. Ключ под ковриком	30
8. Остров сокровищ	32
9. Рубль	42
10. Эпиграф	47
11. Продлись, продлись, очарованье...	54
12. Владимирка	58
13. Свят, свят, свят...	62
14. Когда мне будет 64...	66
15. El pueblo unido	70
16. Вперёд к коммунизму	73
17. Трёхкопеечная рапсодия	76
18. Вдребезги	80
19. Сватовство	85
20. Давай без отчества	91
21. Щелкунчик	94
22. С непередаваемым акцентом	96
23. С улицы Бебеля	102

24. Привоз («осколки» с улицы Бебеля-2)	111
25. «Осколки» с улицы бебеля-3	117
26. Звоните, ежели чего...	125
27. Мальчик Сашенька, мальчик Пашенька...	128
28. С кружкой по жизни	133
29. Оля	135
30. Небо в алмазах	137
31. Уж замуж невтерпёж	146
31.1. Криминальная публицистика	159
32. Дело Девятьярова	160
Начало	161
Маньяк-импровизатор	163
Октябрь-ноябрь	165
Первый арест	167
Март-апрель	169
12 апреля	170
Конец	173
33. Дело об убийстве таксистов	175
34. Дело об исчезновении диктора	180
Красота требует жертв	183
35. Вопрос полувековой давности	190
Далёкие семидесятые	190
Заява	192
Дело завертелось	194
Дальше – больше	196
Преступный гений	198

Воры от власти	200
Вместо эпилога	202
36. Другая «чёрная кошка»	203

Елена Малозёмова

Осколки

1. Ехали цыгане

Ехали цыгане,
Кошку потеряли.
Кошка сдохла, хвост облез.
Кто промолвит, тот и съест!

– Ох, и вправду, Дашутка, мы как цыгане. Едем-едем, а конца и края дороге этой проклятущей нет, – тётка Акулина поправила тулуп, которым была укрыта Дашина мать. Приболела она, сильно ослабла. – Где же эта Сибирь, когда доедем, а, Вань?

Ваня, сын Акулины, пожал плечами. Он был старше Даши всего на год и они быстро сдружились в дороге. Янченки ехали с Украины, с Днепра, а Коломийцы с Дона. Караваны из телег встретились недалеко от Волги и дальше ехали уже вместе.

Скоро их пути расходились. Коломийцы держали путь на юг, через степь, в далёкий Верный, а Янченкам хотелось в Сибирь.

Маме стало немного лучше. Она села, обняла един-

ственную дочку и в шутку спросила:

– Ну, что, Дашутка, куда поедем? В Верный яблоки кушать или в Кустанай картошку?

– Картоху! Картоху! – закричали Даша с Ваней. За время пути они привыкли друг к другу и им совсем не хотелось расставаться.

– Катерина, ты бы поела малость, – Акулина протянула краюху хлеба.

– Не, не хочу, не полезет, – замотала головой Катерина.

– А я вот никогда не отказываюсь, даже если наелась от пуза. Как чуть не померла девчонкой с голодухи, так решила: зубами буду землю грызть, а вспашу. Обману, украду, но зерно достану. Приползу, но соберу хлеб. Страшно это, с голоду помирать!

...А утром Дашина мама умерла.

Две телеги поотстали от других, мужики наскоро выкопали могилу, приладили крест из досок, перевязанных верёвкой, и, не мешкая особо, поехали нагонять основной караван. Отставать было опасно.

Так и решился вопрос, куда ехать. Илья, Дашин отец, решил держаться Павла и Акулины Янченко. Как-то полегче ему рядом с ними было. Да и дети сдружились.

Тётка Акулина достала из глубин плисового чёрного кафтана белую тряпочку, развернула ее и дала Даше с Ваней по куску сахара.

– Не печалуйся, Дашутка, как-нибудь вместе переживём. Станешь женой моему Ване, мы тебя не бросим.

Даша отряхнула соринки с крохотного кусочка сахара и сунула его в рот. Стало и вправду полегче. Почему? Наверное, потому, что не одни они с отцом на этом свете остались. Тётка Акулина вон какая! Умная, хитрая, бедовая...

Так, в 1916 году мои предки оказались в Кустанае. Там и прижились.

...И пришла гражданская война, а вместе с ней и голод. А потом тридцатые наступили и опять пришёл голод. Люди мёрли, страшно мёрли. Тени человеческие шли по улице, падали и умирали. И помочь им было нельзя. Эпидемия тифа косила всех. Потом приезжали специальные люди, закидывали трупы в телегу и исчезали. И жизнь начинала течь своим чередом. До новой порции бредущих по дороге обречённых душ.

А у Даши с Ваней уже четверо детишек народилось. Но младшенькие померли. От тех же голода и тифа. Как ни старалась Акулина их выводить, да разве помогут травки да заклинания против таких бесов как голодуха да тиф!?

Вот от других напастей помогали они ей самой выжить, давали шанс и другим поправиться все эти колдовские заклинания. От грыжи, лихорадки, судорог Акулина местным

детям могла помочь. Брала она привезённый еще с родины серебряный нож, как-то хитро рисовала им на детских животах кресты, делала пассы руками, бормотала еле слышимые заклинания и болящие шли на поправку. Ей несли, кто что мог: кто яичко, кто курочку, кто одежонку, а кто и деньги.

Но оставшихся двоих внучек, Шуру и Надю, бабушка не больно баловала. Они с дедом Павлом жили по соседству, но на удивление редко виделись с семьёй сына. Иногда, придя в гости, доставала Акулина из-под плисового зипуна платочек и раздавала девчонкам по куску сахара. И всё. Но Даша не обижалась: всем тяжело.

Перед войной родились ещё две девочки. Римма, самая маленькая и слабенькая, не выжила. А Людочку, родившуюся в тридцать девятом, Шура с Надей выходили, вынянчили. Ивана забрали на войну, а Дарья сутками безвылазно пропадала в госпитале. Иногда она, со всякими хитростями вырываясь домой, приносила за щекой мякиш хлеба. Это всё, что она могла сделать. Всё остальное делали дочки: Шура нянчилась с малышкой и работала по дому, а Надя, как невероятно шустрая и пронырливая, стояла по очередям за хлебом, бегала на поля за мёрзлой картошкой, рыскала по столовским и базарным помойкам в поисках овощных очисток. Так вот и выжили. И послевоенный голод пережили.

А Акулина жила своей жизнью. Рядом, но отдельно. Ино-

гда угощая своих уже правнуков кусочками сахара. Один раз, уже в шестидесятые, перепало и мне.

– Эй, подь сюда! – я приблизилась. – Нет, Надэга, твоя дочь не наша порода!

Она низко наклонилась, прищурилась, разглядывая меня.

– На тебе гостинец.

Из платочка она достала кусочек сахара. Весь в крошках и каких-то соринках.

– Мама, что это? – отбежав, спросила я шёпотом. Мне, избалованной бесконечными подарками другой, московской бабушки, этот кусочек хотелось только выкинуть.

– А вот мы его сейчас почистим, подуем на него и с чаем выпьем, – мама потащила меня подальше от бабки Акулины. Чтобы та, не дай бог, не услышала.

Уже за чаем я спросила: – Мама, а что это бабка Акулина с ребёночком делала? Я в окошко подглядела. Она ножиком в него тыкала. Так страшно!

– Это она детишек так лечит, ты не бойся.

– Но ты же так никогда не делаешь? – я ложечкой пыталась размешать ужасно твёрдый кусок подаренного сахара.

– Я по-другому лечу, – улыбнулась мама.

...Вскоре бабка Акулина умерла. Тихо. Просто не вышла однажды во двор. Похоронив свекровь, Дарья зашла в её домик прибраться. Да что там было особо убирать-то? Очень строго жила бабка Акулина, совсем без излишеств. Взгляд

упал на топчан. Там сиротливо лежала подушка поверх старого штопаного солдатского одеяла. Дарья вздохнула горько: «Ну, уж совсем Акулина со своим «чёрным днём» переборщила! На лохмотьях спала. Надо выкинуть весь этот мусор».

Она взялась за старый тюфяк и начала скатывать его в рулон. И вдруг из его прорех посыпались деньги. Много денег. Там были и царские ассигнации, и керенки, и довоенные, и дореформенные пятёрки, рубли, червонцы...

Дарья стояла и смотрела на старый сопревший матрас, а из него продолжали и продолжали сыпаться бесполезные, уже давно ненужные деньги...

Жизнь отмоталась назад и почему-то в голове застучала та давняя детская песенка:

Ехали цыганы, кошку потеряли... Не плачь, Дашутка, выдюжим! Землю буду есть, а голодать больше не буду...

Кошка сдохла, хвост облез.

Кто промолвит, тот и съест...

2. Воспоминание о будущем

А вот дедушек у меня не было. Один сгинул на сталинских стройках ещё в тридцать восьмом. А второй погиб под колёсами чуть не единственного в Кустанае грузовика за год до моего рождения. А бабушки... Бабушки, да, были, но чисто номинально, потому как жили от меня далеко, плюс были обложены со всех сторон другими внуками. Мы встречались наездами-наскоками и не было в наших отношениях того тепла, о котором я много слышала от других.

Воспитанию своему я обязана советской власти в виде яслей с восьми месяцев и, конечно, электрификации, потому что без неё я не смогла бы читать круглосуточно. Имя, которое мне дали при рождении, не было данью тогдашней моде. О том, что, если быть, то быть мне Леной, папа знал всегда, потому что так звали бабушку, мою полную тёзку.

Сказать, что я её не любила, ничего не сказать. Я её боялась. Мне, маленькой, она казалась ведьмой из сказки. И никакие московские подарки в виде невероятных конфет-зонтиков (самолётиков, уточек и барашков), моднейших платьев и немецких новогодних книжек-раскладушек со сказочными домиками и оленями не помогали. Я всегда была достаточно равнодушна к плотской стороне мира. Да, всё это красиво и вкусно, но причем тут моя любовь или нелюбовь к бабушке? Каждый год папа ездил в Москву и таскал с че-

тырѐх лет меня с собой.

Поцеловав меня при встрече, бабушка сразу начинала строжиться и воспитывать меня на свой старорежимный манер. Но самое ужасное то, что каждый день я должна была пить кипячѐное молоко. С пенкой! Как-то в семь лет я поспорила с соседским мальчишкой Серѐжкой, что не заблужусь в лабиринтах московских закоулочков. Он, гад, отвѐл меня куда-то, кстати, не так чтобы далеко, раскрутил и убежал в перекрестье переулков, которых, как я потом выяснила, было штук двенадцать по окружности. Мне, алма-атинскому ребёнку таких хитросплетений топографии было не понять. Я долго блукала по окрестностям, потом пошѐл дождь и я начала рыдать от обиды и бессилия. Добрые люди отвели меня домой, а там... злая, злая бабушка. Она опять отругала меня, посадила за стол и с грохотом поставила передо мной стакан молока. «Попробуй сейчас не выпить!». Я сидела несчастная за столом и страдала над ненавистным стаканом.

Ко мне тихо подсел муж папиной сестры, дядя Валера, бывший военный корреспондент на Северном флоте, так же, как и отец оттрубивший в лагерях десять лет, но не растерявший жизнелюбия баламут и любитель кипячѐного молока. Да и водки тоже. Оглянувшись, не появилась ли бабушка, он подмигнул мне и к обоюдному удовлетворению залпом выпил весь стакан.

А с Серѐжкой я больше не дружила...

Лет в четырнадцать мы с отцом навестили бабушкиного

брата, Николаевича, имевшего Георгия с Первой Мировой и работавшего старостой при церкви в селе Никольском под Москвой. Осталось в памяти такое яркое, очень мимолётное воспоминание. Я сижу на веранде, пью малиновый компот и разговариваю о чем-то с женой деда Николая, делаю какой-то жест и она всплескивает руками: «Господи, копия Лена!» Я теряюсь, не знаю, как мне на это реагировать. Кошмар! Я – копия моей ужасной бабушки! Вот это да! Мало того, что полная тётка, так ещё и полная копия! Ну, никак мне не приходило в голову, что бабушке тоже когда-то было четырнадцать лет, что она танцевала, кокетничала и влюблялась. Разница в шестьдесят пять лет была для меня пропастью.

И ещё много-много раз я слышала фразу: «Ну, копия бабушка Лена», но относилась к ней, как какому-то недоразумению.

А умерла бабушка, когда мне было десять лет. Отец очень переживал, что мы не застанем её живой. Успели. Она лежала на кровати, отгороженной от остального мира огромным дореволюционным шкафом. Там была полутьма, горела лампадка над иконой... Она звала меня: «Леночка... Леночка!» Мне было страшно. Я застыла в нескольких шагах от этой жуткой и непонятной полутьмы. Но отец жёстко подтолкнул меня к кровати.

Бабушка тянула ко мне крючковатые пальцы, пытаюсь взять меня за руку. Я протянула руку и она, крепко схватив

её, подтянула её к лицу и поцеловала.

Потом отпустила руку и улыбнулась. Так и простились мы друг с другом. Две Елены Николаевны Пачинцевы, две копии друг друга, обе рождённые 15 мая и по новому и по старому стилю.

3. Карантины, карантины...

Карантины, карантины... Осмысленные, но беспощадные... Стихийные бедствия, так же, как и сами болезни. Последствия карантинов тоже ведь катастрофичны. Ну, или почти. У меня в памяти они остались стенаниями и метаниями моей мамы: сорок дней меня надо было куда-то пристраивать. Не всегда получалось. И тогда мама таскала меня с собой в институт.

О! Это был праздник! Одно здание нашего медицинского чего стоит. Это самый красивый институт в городе, похожий на барскую усадьбу: с колоннами и огромным зелёным пространством перед ним. Мне виделась кареты, лошади, нарядные дамы.

Нарядных дам, и, правда, было в избытке: тоненьких, очень молоденьких и красивых. Они ходили исключительно на шпильках, делали модные начёсы и подводили глаза длинными восточными стрелками. Моё юное женское сердце просто заходило от вида их ярких нарядов, но вдруг, как по мановению волшебной палочки они все, надев белые халаты, превращались в докторов. Но оставались такими же милыми и смешливыми.

Они установили надо мной дежурства и по очереди водили по кабинетам и в столовую. Кто-то подучил меня отвечать на вопрос: «Девочка, как тебя зовут?» строго определённым

образом: «Еена П`ек`ясная». И я честно всем так и отвечала, считая, что в институте так положено.

В общем, разобранная по добрым девичьим рукам, в институте я маму почти не видела.

Приходя в огромный лекционный зал, мои бонны садились куда-нибудь повыше и подальше от кафедры, давали мне листочки, вырванные из тетрадок, и я самозабвенно иллюстрировала принесёнными из дома цветными карандашами лекции по внутренним болезням. Как я их в четыре года понимала.

Но однажды случилась беда. Я чихнула! Видимо, громко. Профессор застыл в недоумении и задал сакраментальный вопрос: кто чихнул? Кто-то из девчонок снял меня со скамьи и придавил голову в пол. Я сидела, как мышка и рассматривала ряд стройных ножек, а над амфитеатром гремел голос профессора: кто чихнул? Одна из студенток поднялась.

– Что вы меня обманываете!?! – прижимал меня к полу крик профессора: – Это чихнул ребёнок! Маленький ребёнок!

Что так возмутило и удивило преподавателя, я так и не узнала. Не помню, как разрешилась ситуация, но не думаю, что были какие-то серьёзные последствия.

Все намного хуже обстояло за год до этого. Тоже карантин, тоже сорок дней и девать меня, трёхлетнюю, было совершенно некуда. Тот случай я помню совсем как бы сполохами.

Вот мама приводит меня к какой-то совершенно древней, скрюченной старушке. Её комната в моей памяти осталась похожей на купе в поезде: прямо стол над маленьким грязным окном, слева кровать и везде иконы, иконы, иконы... Наверное, было что-то ещё, но запомнилось так. Картинку дополняли запахи бурьяна и мазута да звуки маневровых поездов.

Мы сидели с бабулей на кровати, а потом её сморило. Со всем старенькая она была. Сидела я сидела, и стало мне скучно. Встала и пошла. Куда, зачем? Наверное, искать маму, куда ещё мог пойти трёхлетний ребёнок?

Дальше помню только своё спокойствие и любопытство. На меня несётся красивый черный паровоз с большой красной звездой посередине. Он истерично гудит, дым валит из трубы, а я зачарованно смотрю на эту картину. Потом помню руки. Большие мужские, натруженные руки. Всё.

4. Ленин и колёсико

В детский сад я часто ходила одна. Мама высаживала меня из трамвая, я самостоятельно доходила до Ауэзова и просила кого-нибудь из взрослых перевести меня через дорогу. Дальше вверх, через двор 55 школы добегала до своего садика и показывала на входе медсестре чистые ладони.

Но в тот день мама никуда не опаздывала и мы степенно шли пешком по Комсомольской, вдоль маленьких частных домов, за штакетниками и кривыми заборами которых цвели яблони и черешни, сливы и урюк, вишни и груши. Вдоль заборов и арыков рассыпались одуванчики. Машины шуршали шинами, трамваи звенели звонками, птицы заливались трелями. В общем, было самое настоящее прекрасное и обычное солнечное апрельское утро.

– Кстати, что сегодня за день? Чей день рождения? – спросила мама.

Я не запнулась ни на секунду: – Знаю! Владимира Ильича Ленина! И стих знаю! Я маленькая девочка, в школу не хожу. Я Ленина не видела, но я его люблю! Вот! У нас в садике сегодня праздник будет, дети будут стихи читать.

– И ты? Что-то я не слышала, чтобы ты что-нибудь разучивала.

– Нет, меня не взяли... Я же букву рэ не выговариваю, – я вздохнула, переживая свою бесперспективность.

– Ой! – отвлекла меня он грустной темы мама. – Это что за колёсико лежит?

На краю тротуара лежало что-то тускло блестящее, отдалённо похожее на юлу. Колёсико с зубчиками, надетое на штырёк.

Я подала фитюльку маме.

– Похоже, это колёсико от будильника. Смотри! – мама наклонилась к тротуару и тихонько крутанула бывшую часовую деталь. Колёсико с нежным пением закрутилось, зубчики сразу исчезли и всё превратилось в золотистый шарик. Я зачарованно смотрела на неожиданно приобретённую игрушку. Через минуту кружение стало медленнее, опять стали видны зубчики, и в конце концов колёсико грустно завалилось на бок. Я тоже крутанула этот древний, как его сейчас назвали бы, спиннер. Получилось! Опять раздался нежный звон и колёсико превратилось в волшебный шарик.

– Всё, опаздываем, в саду докрутишь! – скомандовала мама и мы припустили по улице.

...Было уже тепло и медсестра сидела прямо у ворот детского сада на детском стульчике за детским столиком, на котором лежал журнал, куда она заносила показания детской температуры. Это, кстати, было обязательно. Там же, на столике стояли банки с градусниками и лопатки для проверки горла. Температуру мерили тут же, у входа, данные заносились в журнал, проверялись на чистоту и, наверное, чесотку руки, И после обязательных медицинских процедур я, пома-

хав маме ручкой, впорхнула в привычный мир детского сада.

Мне не терпелось показать моё приобретение тогдашней подружке... забыла, как звали её... Ире? Люде? Мы с ней и на занятиях сидели вместе, и спали рядом, и на прогулки ходили парой, взявшись за руки. У нас по всей территории были закопаны «секретики», помните? Какая-нибудь ерунда: фантики, камушки, бусинки, которые закапывались в землю и прикрывались осколком от бутылки. Потом по пять раз на дню ходили проверять свой «секрет», что-то добавляли, что-то убирали. Женская любовь к секретам неистребима и необъяснима.

Но в этот раз нам было, чем заняться. Мы бесконечно крутили колёсико и заодно следили, чтобы никто из этих ужасных мальчишек не покусился на наше сокровище.

После завтрака нас собрали в группе для торжественного утренника. Стулья расставили по периметру комнаты, все расселись и особо одарённые одnogруппники с хорошей дикцией выходили по одному, и читали стихи о Ленине.

Мы с Людой-Ирой выбрали самые центральные места, потому что там стоял очень большой портрет Владимира Ильича во весь рост. Картину прислонили к стене не совсем вертикально, низ её был далеко от стенки. Поэтому у нас была возможность продолжать крутить колёсико прямо на ботинках Ильича и во время затянувшейся торжественной части.

– Ленка, посмотри! – вдруг зашептала Люда-Ира, когда мы подходили к портрету. – Картина неправильная, на ней

нету Мавзолея! Ты же была в прошлом году в Москве, была в Мавзолее. На картине Ленин есть, а Мавзолея нет!

Я задумалась. Да, в Мавзолее я была, Ленина видела, правда, уже без Сталина. За год до этого отец пожалел меня маленькую, и мы не стали выстаивать огромную очередь. Думал, на следующий год покажет мне своего главного врага. Но на тогдашний Хэллоуин Сталина из Мавзолея убрали, и мне на следующий год довелось увидеть только Ленина. Я очень хорошо запомнила, что Мавзолей стоит на Красной площади, а на картине его не было. Забыл, наверное, художник, другого объяснения у меня не было.

...Ленин, как всегда с добрым прищуром, стоял в центре Красной площади и глядел куда-то вдаль. На правом ботинке у Ильича была небольшая прореха, давнишняя, изнахраченная. Но на чёрном ботинке её, грязную, особо видно не было, поэтому руки у воспитателей до неё не доходили. Так вот, крутилось наше колёсико, крутилось и нырнуло прямо в дыру в ботинке Владимира Ильича. Это было ужасно и несправедливо. Но, на наш взгляд, вполне поправимо. Мы стали пытаться пальцами достать игрушку из картины. Так увлеклись, что и не заметили, как верх картины отделился от стены и она начала медленно падать.

Нам попало по темечку мягким холстом, а кого-то из соседей задело рамой. Какой поднялся рёв, какой был переполох!.. Колёсико с тихим нежным звоном упало на пол и покатилося, покатилося...

...Я стояла в углу и, как настоящая, не сдавшаяся врагу революционерка, сжимала в кулаке колёсико от будильника.

Камень на камень, кирпич на кирпич.

Умер наш Ленин, Владимир Ильич.

Грустно...

5. Тюльпаны

Это был прекрасный день... Кажется, вот он, только руку протяни... 1964 год, 15 мая. Я заканчиваю первый класс.

Одноклассников почти и не помню, только на старой фотографии имена, фамилии. Смутно проплывают силуэты, лица. А первую учительницу помню. Раису Георгиевну. Совершенно молоденькую, только-только после пединститута. Она была очень хорошенькая, стильная такая, улыбчивая.

И вот на мой день рождения она решила устроить мне сюрприз. Сразу после уроков мы поехали с ней на четвёртом трамвае, далеко-далеко по Комсомольской в самый центр города, в кафе «Тюльпан» на Коммунистическом. Его давным-давно уже нет, а тогда это было, видимо, самое модное место алма-атинской молодёжи.

Плохо помню интерьер, но подозреваю, что он был минималистским, как и всё самое передовое в шестидесятые. Маленькие столики, стульчики на тонюсеньких ножках...

Мы взяли по мороженому в плоских вазочках и беседовали о жизни. И тут начались чудеса! В двери вошёл прекрасный принц, модный-модный, в каком-то необыкновенном, переливающим серым, костюме, в узконосых туфлях и с красивой стрижкой. Но главное – в руках он нёс небольшой букет тюльпанов, колированных, огромных. Я таких и не видела до того дня. Зашёл, огляделся. И тут произошла какая-то

заминка. Что это было, я не знаю. Был ли он знаком с моей учительницей, не знаю. Наверное, да. Он немного постоял, улыбнулся, вытащил из букета один тюльпан и протянул его мне.

Передать свои ощущения я не смогу: удивление, восторг, счастье? Я держала его как драгоценность, чудо чудное, диво дивное. Прекрасный принц улыбнулся, сказал «Поздравляю!» и исчез... Всё как в сказке.

...Потом мы поехали домой, обратно по Комсомольской, на четвёртом трамвае. Я любовалась на свой аленький с жёлтеньким цветочек и не замечала ничего вокруг.

И вдруг ко мне подходит бабушка с огромным букетом полевых цветов, отламывает от охапки большую часть и дарит мне. Улыбки, поздравления... Как это? Как так получилось? Как подмигивала Раиса Георгиевна людям, сидя рядом со мной? Как люди догадывались, что эту девочку надо поздравить с днём рождения? Они дарили цветы и пока я ахала и удивлялась, куда-то исчезали.

...А в это время моя бедная мама металась по улице в поисках именинницы. И вот мы идём вниз по Розыбакиева, счастливые и довольные, с подарками и цветами. И мама не знает, как ей реагировать на это: сразу убить обоих или сказать спасибо за подаренное её дочери счастье? Обошлось...

А потом я закончила первый класс с похвальной грамотой. Ровно через неделю наш дом сгорел и во второй класс я пошла уже в другую школу, с другой прекрасной учитель-

ницей и одноклассниками, которых помню до сих пор.

Но счастье осталось там, в пятнадцатом мая 1964 года...

6. Ольга Ивановна

Я стояла и тихо горько плакала. Вместо моей красивой фотографии на Доске Почёта сиротливо белели два кружка от клея.

«Ну, как же так? Третий раз! Третья фотография за месяц! За что? Или я не настоящая отличница? Или я на переменах балуюсь? Почему срывают уже третью мою фотокарточку?»

Я вздрогнула. Сзади раздался скрипучий голос нашей школьной уборщицы Ольги Ивановны:

– Что, опять фотку спёрли, коза? Ходят тут, юбками трясут! От горшка два вершка, а туда же. Что из вас только дальше вырастет? Никто не знает. Я знаю!..

Я не стала дожидаться продолжения и, насколько позволял тяжёлый портфель, понеслась на второй этаж.

Бегать от Ольги Ивановны всем нам, третьеклассникам, было обычно. Какая сила заставляла нас приходить в школу на полчаса раньше, не знал никто. Но каждый день куча маленьких придурков приходила в школу задолго до начала уроков, прекрасно зная, что все обязательно огребут от грозной уборщицы.

– Всех твоих ухажёров знаю! Не успеешь отвернуться, а они тут как тут! А фотки-то уже и нет. Но я всё вижу! Всё расскажу Ирине Яковлевне! И матери твоей скажу! – греме-

ло мне вслед.

Я бежала, вытаращив глаза. Задача была – забежать в любой открытый класс и спрятаться. Ольга Ивановна каждый день гонялась за нами со шваброй. Мы уходили от неё, прыгая по партам, проползая между ними по полу, просачиваясь по стеночке. Мальчишкам это сильно нравилось, а вот зачем это было нужно мне, загадка до сих пор. Сидела бы дома, приходила бы аккуратно ко звонку, так ведь нет! Неумолимая сила влекла все начальные классы в родимую школу побегать от страшной уборщицы.

Строго говоря, уборщицей Ольга Ивановна стала, уже выйдя на пенсию. А вообще-то она и до войны, и в войну, и долгое время после работала директором нашей школы. Так говорили. Правда это или неправда и как давно всё это было, мы не заморачивались. Потому, что нас тогда ещё не было.

...А Ольга Ивановна была монументальна. И на удивление импозантна, несмотря на галоши, синий халат и косынку, завязанную назад, по-пролетарски. Седые букли, нос горбинкой... Надо же! Всё врезалось в память.

И жила она рядом со школой. Одна. Её старый покосившийся домик был построен тут же, во дворе. Так что, в школе она была всегда: и днем, и ночью.

Дух старой восьмой школы.

Так и бегали бы мы, наверное, от старой уборщицы до получения аттестата, если бы не построили новую школу, на три квартала выше. И мы весёлой гурьбой и с чистой сове-

стью в пятый класс пошли уже в новую, с иголки школы. И тут же забыли про Ольгу Ивановну и наши каждодневные забеги по партам.

Иногда, проходя мимо старого здания, я периферическим зрением видела знакомую фигуру всё в том же синем халате. Надо же, всё по-старому!

А однажды маленького домика не стало.

Снесли.

И тогда уже точно не стало старой восьмой школы, несмотря на то, что само здание с цифрами «1935» между лучами пятиконечной звезды стоит до сих пор.

Хотя... Без Ольги Ивановны какая это старая восьмая школа? Так, стены одни...

7. Ключ под ковриком

Нет на свете более занятых людей, чем десятилетние девочки: и в школу надо сбегать узнать расписание хора, и в библиотеке срочно надо книжки поменять, и подружке очередную новость на хвосте принести.

А тут беда! Не помню, как получилось, но ключ от квартиры остался только у меня. Он висел на красивой тесёмочке у меня под платьем. Скоро должны были появиться с работы родители, но мои наиважнейшие дела не терпели отлагательств. Я то металась по комнатам, то горестно застывала на кухонной табуретке, но проблема не решалась. И тут меня осенило! Я вырвала страничку из тетрадки и старательно написала: «Мама! Ключ под ковриком. Я скоро прийду». Положила ключ под коврик, записку воткнула в щель между дверью и косяком, чтобы было лучше видно, и с чувством выполненного долга убежала по своим неотложным делам.

И вот возвращаюсь я домой и застаю там печальную картину: мама с горестным лицом держит в руках мою записку, а папа курит, отвернувшись к окну. Я сообразила, что сейчас будет втык. Ну да, как можно так беспечно оставлять ключ под ковриком? Меня же предупреждали, что это чревато.

Я понуро стояла и ждала нотации. И дождалась:

– Лена, как ты могла? Ты, моя дочь, а пишешь «прийду»?!

У тебя же пять по русскому! А если бы кто-то из соседей

прочитал! Какой позор! Николай, что ты молчишь?!

Папа совсем отвернулся и стал смотреть в окно.

Я подскочила, схватила записку: – А как надо?

– О, она не знает! Николай, ты слышишь, она не знает!

Иди, учи русский!

И я поплелась в свою комнату думать: почему ошибка в письме для мамы страшнее моей безответственности и безалаберности. Ведь ни слова мне не сказали про ключ под ковриком. Просто на следующий день папа пошёл на Никольский и сделал нам всем по ключу. И запасной.

8. Остров сокровищ

– Так, ваша светлость, – хитро сощурясь, сказал папа. – Чуть не забыл тебе новую книжку отдать. Такую книгу обязательно надо прочитать. Без неё никак.

Ну, этого он мог бы мне и не говорить. Это было, что называется, обязательно к исполнению. И я ни разу об этом не пожалела: все книги, которые приносил мне папа, были и остались лучшими книгами в моей жизни.

Книга была не новая, даже слегка потрёпанная. На желтоватой обложке красовался одноногий дядька с попугаем на плече.

Так, посмотрим... Роберт Л.Стивенсон «Остров сокровищ». Ух ты!

Я открыла и провалилась...

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке – грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто: Пятнадцать человек на сундук

мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Я вздрогнула, потому что папина рука легла на книгу: – Всё потом, а сейчас школа, работа... Я сегодня задержусь, но тебе будет, чем заняться.

И как в воду глядел. Придя со школы, я забросила портфель, переоделась, включила торшер и устроилась поуютней в любимом зелёном кресле. Дождь хлестал по земле так же, как и тогда, почти двести лет назад. Сумерки спускались на город, далёкий от всех морей, а я была там, на скалистом побережье Англии.

...Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро...

Ну, надо же! Какие ужасные, страшные пираты жили раньше в Англии! Я поёжилась, перевернула страницу и поняла, что хочу есть. Наверное, от страха. Какое-то время во мне боролись два желания: продолжить читать или всё же что-нибудь поесть. Голод пересилил. Я с опаской покосилась на тёмный коридор, но, делать нечего: как-то надо было добежать до выключателя на кухне. А со светом уже не так страшно. Прижав книгу к груди, я быстро преодолела тёмный коридор и включила свет на кухне.

В холодильнике было пусто. Да, плохо без мамы... Ага, вон остатки батона в хлебнице.

Я посыпала кусок батона сахаром, налила чаю и опять

провалилась в восемнадцатый век.

– Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? – сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

– Черный Пес! – проговорил он наконец.

Я застыла с открытым ртом. Хлеб был забыт, чай остыл, а я всё никак не могла оторваться от книги, в которой жили Джим Хокинс и его ужасный постоялец Билли Бонс.

В подъезде слышались шаги. Всё смешалось у меня в голове: то ли это соседи идут домой, то ли старые пираты окружают таверну «Адмирал Бенбоу», чтобы забрать сундук с картой...

...Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека.

Я подняла глаза от книги и, о ужас! В тёмном коридоре мне примерещился старый слепой Пью. «Он хочет отдать Билли Бонсу чёрную метку!» – догадалась я с ужасом.

Я вскочила из-за стола, чуть не пролив так и не выпитый чай, и кинулась включать свет во всех комнатах подряд. Перед своей комнатой я застыла и вжалась в стену: дверь надо

было открыть и протянуть руку до выключателя. В голове всё перепуталось: где я, кто я? Советская четвероклассница или английский мальчишка? Я зажмурилась, выдохнула, открыла дверь и дотянулась до выключателя. Всё на месте: вон стол, вон шкаф и географическая карта Советского Союза висит на стене. Карта меня вернула в действительность. Всё-таки я четвероклассница...

Я вернулась на кухню, сжевала хлеб, запив его холодным чаем и начала читать дальше...

...В тихом морозном воздухе пронесся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукивание палки слепого по мерзлой дороге. Стук приближался, и мы прислушивались к нему, затаив дыхание...

Это было уже слишком. Ужас поначалу просто сковал меня. Я сидела, боясь посмотреть хоть куда-нибудь. Строчки расплывались у меня перед глазами. Вместо них, изо всех сумрачных углов виднелись жестокие физиономии английских пиратов.

Я выдохнула, схватила книгу и выбежала в коридор. Там стоял мой маленький детский стульчик. На него теперь садились, чтобы удобнее было надевать обувь. Но сейчас он оказался не просто старым стульчиком, а моим спасителем. Часы на стене показывали половину девятого. Схватив стульчик, я открыла входную дверь и выскочила в подъезд. «Буду читать тут, пока не придёт папа»...

...Тут слепой сообразил, что идет не туда, куда надо.

Вскрикнув, он повернулся и побежал прямо к придорожной канаве, в которую не замедлил скатиться. Но сейчас же поднялся и, обезумев, выкарабкался опять на дорогу, как раз под ноги коню, скакавшему впереди всех.

... Я сидела, скукожившись на маленьком старом стульчике, ноги замёрзли, но зайти в дом было выше моих сил: мне теперь везде мерещились морские разбойники с их кортиками и мушкетами. Внизу хлопнула входная дверь, послышался стук дождя и весёлые голоса. Но мне было не до них...

– Эй, Окорок, затяни-ка песню! – крикнул один из матросов.

– Старую! – крикнул другой.

– Ладно, ребята, – отвечал Долговязый Джон, стоявший тут же, на палубе, с костылем под мышкой.

И запел песню, которая была так хорошо мне известна:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

Вся команда подхватила хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

– Лена, а ты что тут делаешь? – голос соседки тётки Маши вернул меня к действительности.

– Я... я книжку читаю. Мне дома страшно одной...

– Мама ещё не приехала?

– Нет, ещё месяц.

– А папа? Не пришел ещё?

Я опустила глаза, а тётя Маша вздохнула, покачав головой. Мимо меня проплыли сумки и авоськи, щёлкнул ключ

и дверь за тётей Машей закрылась...

– Хокинс, – говорил мне Сильвер, – заходи, поболтай с Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот капитан Флинт... я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата... так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей... Верно, Капитан?

И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Внизу опять послышались шаги. Но это и хорошо: люди вокруг, всё не так страшно.

Это были соседи из квартиры напротив – Сашка Мучалов и его мама. Сашка шёл, набычившись и отвернувшись от меня, как будто мы и не знакомы с ним вовсе и не учимся в параллельных классах. За всё время мы с ним даже ни разу не поздоровались, не то, что слово доброе сказали. «Бэшник», одним словом. Фи!

– Здравствуй, Лена? Ты чего тут сидишь? – спросила Сашкина мама.

– Книжку читаю, – я показала обложку.

– А где мама? Папа?

– Мама в Москве, уже месяц как... – я тяжело вздохнула. – А папа еще с работы не вернулся...

– Ладно, наверное, скоро придёт. Ты долго не засиживайся, простудишься. Вон как дождина льёт, даром что март.

Дверь за ними захлопнулась и я опять упала в восемна-

дцатый век...

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и треть мили – от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц, кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

...В тётю Машиной двери повернулся ключ. Она вышла в подъезд и строго сказала: – Всё, Лена, спать будешь у меня. Время уже одиннадцать, ждать больше некого. Сейчас поужинаешь и ляжешь спать. Ох уж эти...

Она покосилась на меня и дальше продолжать не стала. Я, дрожа, встала со стульчика, закрыла ключом дверь и поплелась за тётю Машей.

Тётю Маша жила одна. Её дочь вышла замуж и ушла жить к мужу, а кровать осталась. По телевизору показывали съезд народных депутатов. По-моему, двадцать третий в том году был. Что-то вещал ещё молодой и бодрый Брежнев, все депутаты постоянно вставали и долго ему хлопали. Тётю Маша наложила мне горячей картошки, рядом поставила солёные помидоры. Вкусно! Я потянулась за книжкой:

– Ещё чего! Времени скоро двенадцать! Под душ и спать! Я уже постелила. А отцу твоему... – она что-то добавила беззвучно. – Я записку в двери оставила. Придёт – увидит, не волнуйся. Я с трудом доплелась до постели и провалилась в глубокий сон.

... Утром я проснулась от голосов: строгого тётъ Машиного и виноватого отцовского.

– Маш, ну не ругайся, ну, посидели мы вчера с ребятами...

– С ребятами?! – голос тётъ Маши звенел на высочайшей ноте, хоть и говорили они полушёпотом. – Девчонку одну дома оставил! Что ты ей за книгу там подсунул, что она весь вечер в подъезде сиротинушкой просидела?!

– Так я... «Остров сокровищ»... А что, хорошая книга.

– Папа! – я выскочила из постели. – Хорошая книга! Я уже половину прочитала. Спасибо, тётъ Маш, мы домой!

Дома везде горел свет. На кухне лежал недоеденный задохший батон. Я прислонила книгу к чашке со вчерашним чаем и снова улетела на двести лет назад.

– Так, я купил в магазине котлеты. Сейчас пожарю, ты подожди, – суетился папа. Но меня на кухне уже не было...

«Испаньола» по-прежнему стояла на якоре. Но над ней развевался «Веселый Роджер» – черный пиратский флаг с изображением черепа. На борту блеснула красная вспышка, и гулкое эхо разнесло по всему острову последний звук пушечного выстрела. Канонада окончилась.

... Надо сказать, что мама, хоть и была врачом, и поехала в Москву получать высшую категорийность, была из очень простой крестьянской семьи. Пережила войну и голод и карабкалась к лучшей жизни самостоятельно. Да, она стала известным и уважаемым в городе санитарным врачом, но замашки у неё остались те же – крестьянские-крестьянские.

Готовила она вкусно, накладывала в тарелку всегда и всего много, но как попало. Хлеб резала огромными ломтями и хорошо, если куски попадали в хлебницу. Папа же, из московской интеллигентской семьи, всё делал красиво и эстетично. Но готовить он не умел. Совсем. Даже готовая к самым неумелым мужским рукам магазинная котлета получалась у него похожей на подошву.

Вот и сейчас он постелил красивую салфетку, ножик справа, вилка слева, а на тарелке живописно располагались котлета, порезанный огурчик, горошек и, как заключительный аккорд, он торжественно набросил на котлету веточку укропа. «Давай, ешь!» Я кивнула и, не отрываясь от книги сжевала котлету. Но в этот раз ни красоты, ни вкуса я не заметила...

У подножия высокой сосны лежал скелет человека. Вьющиеся травы оплели его густой сетью, сдвинув с места некоторые мелкие кости. Кое-где на нем сохранились остатки истлевшей одежды. Я уверен, что не было среди нас ни одного человека, у которого не пробежал бы по коже мороз...

– Ты в школу не опоздаешь?

– Да-да... Школа... – я встала и, не отрываясь от книги, прошла в свою комнату, закрыв за собой дверь. И поднялась со стула только тогда, когда прочитала:

До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Так что, в школу я так и не попала. Какая тут школа? Пиастры! Пиастры! Пиастры!

9. Рубль

– Оля-я-я! О-о-оль! – я задрала голову и вглядывалась в окна на четвёртом этаже. Из кухонного окна выглянула старшая Олькина сестра Лариска.

– Чего тебе, горе моё? Куда сестру мою уводишь?

– Ну, позови, чего ты? Меня мама в «Кулинарию» послала, за тестом.

– Самим, самим надо тесто делать, а не по магазинам шляться! Ишь, белоручки!

Лариска была старше нас всего на полтора года, но в её табели о рангах мы занимали место где-то между котятами и лягушатами. Лишь годам к восемнадцати она разглядела в нас людей.

– Иду! – высунулась на балкон Олька, завязывая конский хвост. – Не слушай ты её!

Я быстро выскочила из Ларискиного поля зрения и села в теньке дожидаться Ольку.

Июль. Жара. Самый полдень. Надо быстренько смотаться в «Кулинарию» на Шевченко, и будут нам через час самые разные пирожки с пылу, с жару.

Я вышла навстречу Ольке и мы опять оказались в поле зрения Лариски.

– Мы с Тамарой ходим парой, мы с Тамарой кочегары! – неслоь нам вслед. Иногда мы обзывались ею санитарями, в

другой раз комиссарами. Смотря, какое настроение будет у Лариски. Я оглянулась огрызнуться, но Оля уволокла меня за угол: мол, нашла, с кем связываться! Заклюёт!

– Куда идём-то?

Я открыла кошелёк, в котором сиротливо, но гордо лежал рубль.

– Тесто стоит девяносто копеек, десять копеек остаётся. Пойдём через Никольский, купим семечек.

И мы поскакали (а чего ходить-то, если можно поскакать?) по Виноградова, через трамвайные пути прямо на Никольский базар. Для нас, кстати, никаких других базаров тогда не существовало, только Никольский. Там было всё: ягоды и фрукты, арбузы и дыни, самса и беляши, шашлык и дунганская лапша, сладкая вата и вкуснейшая нуга, завёрнутая в кальку. И конечно, семечки. Ряды и ряды семечек в дальнем углу базара. Каким же большим он мне казался поначалу, мой Никольский! Но со временем он потихоньку съёживался, скудел, безлюдел, пока совсем не исчез. Что там сейчас, не знаю, давно не была.

Но тогда, в шестидесятые, он был полон жизни, шума и разнообразия. Мы прошлись по рядам с аквариумами и птичьими клетками, поумилялись котятами и кутятами, издалека посмотрели с уважением на огромных сторожевых псов и довольные пошли «пробовать» семечки. До сих пор не понимаю, почему продавцы давали нам пробовать семечки? Пройдя по рядам, мы набирали полные карманы товара.

Можно было уже ничего не покупать. А такими «умниками» были все, без исключения. Но вот разрешали почему-то...

Мы потихоньку двигались от продавца к продавцу, запоминая особо понравившиеся семечки, как вдруг кто-то толкнул меня на мешки и с силой вырвал из расслабленной руки кошелёк. Пока я балансировала между мешками, Олька попыталась схватить злодея за руку, да куда там!

Воришка стремительно убежал от нас, и его расстёгнутая белая рубашка развевалась на ветру, как парус.

– А-а-а! Украли! – мы кинулись вдогонку, вовлекая в погоню людей.

– Что украли? Сколько? – люди на бегу интересовались убытком.

– Рубль!!!

Кто-то разочарованно махал рукой и отставал, а кто-то азартно продолжал погоню.

На выходе из базара наш злыдень напоролся прямо на оперативников, которые шли пообедать на базар. Новенькое здание УВД только-только появилось прямо по соседству с Никольским, поэтому идти было недалеко. Воришкой оказался наш ровесник, совсем мальчишка. Но преступление есть преступление. Всё по-взрослому.

В коридорах УВД ещё не убрали стремянки и вёдра с краской, пахло извёсткой и карбидом. Нас троих завели в кабинет и усадили на стулья. Мы с Олькой с опаской косились на преступника и пытались отсесть от него подальше.

Оперативник деловито вытер белую пыль со стола и достал бумагу и ручку.

– Ой! – пискляво заныла я. – Это долго? Нас мама послала в магазин за тестом... Она же ждёт...

– Нет, гражданки, всё будет быстро. Сейчас объяснительную напишете и пойдёте в свой магазин. У тебя украли? Садись к столу и пиши.

– Что писать? – прошептала я.

– В правом верхнем углу пишешь: «Начальнику РОВД Советского района города Алма-Аты товарищу...»

Я послушно написала.

– А дальше?

– Ты сочинения уже писала? – со снисходительной улыбкой посмотрел на меня оперативник. – Вот и пиши... Сочинение...

Я глянула на Ольку, она в ужасе тарачилась на меня. Злодей с кривой ухмылкой сидел в дальнем углу и делал вид, что его это никак не касается. Оперативник с озабоченным видом уткнулся в свои бумаги, а я осталась один на один с суровой необходимостью первый раз в жизни писать серьёзную, взрослую бумагу. «Объяснительная» нацарапала я, задумалась, а потом начала писать что-то вроде: «Это был воскресный день, светило солнце, как бездельник. Все гуляли, кто с друзьями, кто с семьёй...». Ну, и так далее, почти по Высоцкому.

За час управилась. Оперативник, устав ждать, выхватил у

меня почти три листа объяснительной и с ненавистью глянул «сочинение». «Вот и пусть теперь всем отделом читают!» – с вызовом подумала я и протянула руку за многострадальным рублём.

– Э, нет! Теперь расписка в получении. Сейчас сверим номера, всё запишем, ты распишешься в получении и только тогда...

В общем, через три часа мы прибежали наконец в «Кулинарую». Но тесто уже, конечно, кончилось.

Обратно плелись печальные и уставшие. Лариска встретила нас во дворе:

– А где тесто, стремительные вы мои?

Мы насупились, повздыхали, а потом рассказали ей всё.

– Ни фиги себе, сходили за хлебом! – укатывалась над нами Лариска. – Во вороны!

Мы немного подулись, а потом тоже прыснули и долго хохотали, показывая друг на друга пальцами.

Дома меня ждала ещё одна объяснительная, с мамой. А пока смеёмся. Тоже ведь приключение!

10. Эпиграф

В край забвенья, в сень могилы,

Как слоны на водопой,

Ангелы и крокодилы

Общей движутся толпой.

Вадим Шефнер

Какие-то странные воспоминания приходят в голову...

Стоит светлый тёплый ласковый вечер. То ли апрель в городе, то ли сентябрь. А мы идём с Иркой по залитым солнцем улицам. Нам по четырнадцать лет. Ума мало, а фантазия бьёт ключом. Мы придумали себе новую игрушку: здороваться с идущими навстречу людьми и наблюдать за их реакцией. Кто-то сосредоточенно кивает, не интересуясь, кто там прощал «здравствуйте», кто-то приветливо улыбается, кто-то останавливается и задумывается, пытаюсь вспомнить этих девчонок, а потом долго смотрит нам вслед. Есть и такие, которые подходят, начинают задавать наводящие вопросы. Мы отбрёхиваемся, как можем, сочиняем на ходу небылицы, что мы из соседних домов или подъездов, плетём что-то про знакомых тётъ и дядь. В общем, ведём себя достаточно бессовестно, но безвредно.

Вот нам навстречу идёт высокий, очень колоритный пожилой казах с совершенно седым ёжиком на горделиво посаженной голове. Он даже не идёт, а как-то плывёт с крей-

серской скоростью, рассекая несуществующие волны. Его взгляд устремлён куда-то вдаль и только вперёд. В общем, нет никаких сомнений, что перед нами бывший военный. Я тихонько толкаю Ирку локтем и мы звонко и синхронно выкрикиваем: «Здравствуйте!». А дед, ни секунду не замешкавшись, не повернув в нашу сторону своей головы и даже взгляда в нашу сторону не скосив, громко гаркает: «Здра!..» и проплывает мимо.

Мы тихо хохочем, прикрыв рты ладонями. Нам весело: такой интересный человеческий экземпляр попался.

Мы проходим мимо нашего медицинского института, и Ирка вдруг слышит звуки ударов по волейбольному мячу. Я бы и внимания не обратила, но Ирка, рьяная любительница волейбола, расслышала бы этот звук хоть за два километра.

Пришлось тащиться во двор института, к волейбольной площадке. Встав неподалёку, мы начали болеть за спортсменов, но мне это достаточно быстро надоело. Чего-то бьют ребята по мячу, чего-то орут друг на друга. Скучно. Ну, не любительница я. Поболеть за нашу хоккейную сборную – это да. А в волейболе я ничего не понимала.

От делать нечего я начала оглядываться по сторонам. И тут моё внимание привлёк грузовик, стоявший почти вплотную к распахнутым двустворчатым дверям одного из зданий. Оттуда вышли два хмурых санитаров в несвежих халатах. В каждой руке они держали по цинковому ведру. Они вылили неопознанное мною содержимое во что-то невидимое в ку-

зове машины и пошли обратно. Через какое-то время снова вышли с вёдрами, и снова вылили. Они работали молча и привычно, как-то обыденно. Было понятно, что они повторяют этот почти ритуал каждый день, много дней.

Я дёрнула Ирку за руку. Она оглянулась: ну, что там!? Я ещё сама не понимала, что там происходит, но испуг, пока только испуг, уже начал обволакивать меня.

Ирка тоже уставилась взглядом в грузовик и медленно пошла к нему поближе. Я поволоклась следом за ней. Метрах в десяти мы уловили сладковатый тошнотворный запах.

– Это же анатомка! – прошептала я. – Мне же мама её показывала, когда мы мимо проходили...

– А что это у них в вёдрах? – тоже шёпотом спросила Ирка.

– Кишки... – почти беззвучно прошелестела я, и мы уставились в ужасе друг на друга.

– Девочки, шли бы вы отсюда, – прогудел один из санитаров.

Мы кивнули, но продолжали стоять. Неожиданный кошмар, совсем не вписывающийся в спокойствие этого теплого вечера, пригвоздил нас намертво к земле.

Санитары вышли в очередной раз из дверей анатомки, и один из них нёс фиолетовое тело без головы с культиями вместо ног и рук. Тело матово блестело, а срезы были какими-то неровными, грязно-жёлтыми. Он размахнулся и закинул этот обрубок, этого когда-то человека в кузов. Он с жут-

ким звуком упал в месиво из других человеческих останков и всё закончилось.

Мы попятились назад, потом развернулись и медленно пошли к выходу со двора мединститута. Удары волейбольного мяча эхом отдавались в голове и напоминали звук падающего на дно кузова тела, в носу стоял мертвящий запах анатомички, а мы не в силах были хоть капельку убыстрить шаг.

Разошлись так же молча.

Есть я отказалась и, как сомнамбула, прошла в свою комнату, села за стол и уставилась в открытый где попало учебник. Буквы сначала прыгали перед глазами, никак не собираясь в слова, а потом их и вовсе не стало видно из-за наступивших сумерек.

– Лена, ты чем занимаешься? – голос мамы был строг и встревожен. – Чёрти что! Ужинать отказалась, сидишь в темноте, уроки не делаешь. Что случилось?

– Я... мы с Ирккой возле твоей анатомки труп видели... без головы... и кишки...

– О, господи! Напугала меня! Я-то думала, что-то серьёзное случилось. Там этих трупов каждый день... – мама сделала строгую паузу и продолжила. – Забудь и делай уроки.

– Тебе хорошо, ты много трупов видела, а я... – я зарыдала.

– Глупости не говори и успокойся. Подумаешь, кишки она увидела. Нашла чего бояться!

Мама ещё раз произнесла «О, господи!» и дверь за нею закрылась. А я посидела ещё какое-то время, пляясь в учебник и пытаюсь отогнать от себя вязкие, пропахшие тленом мысли, и поняла, что лучше мне попробовать уснуть, переждать этот ужас, а утром, может, легче будет.

Спала я лицом к окну, а в изголовье стоял большой полированный платяной шкаф. Шифоньер, как его называла мама. Стояла тихая лунная ночь, и что меня заставило проснуться среди ночи, я не помню. Помню только, что подскочила на кровати и зачем-то оглянулась назад. Там, из дверцы шкафа на меня глядел вчерашний чёрный человек.

Заорала я, видимо, громко, потому что через минуту в дверях появились перепуганные босые родители.

– Что? Что случилось?

Я уже окончательно проснулась и поняла, что в дверце шкафа было всего лишь моё отражение, но кошмар не отпускал меня:

– Я не знаю... Я боюсь... Ведь он же живой был...или она... Как же так с ним? Или с ней... Она же чья-то... – я осеклась. – Дочка... мама... или папа...

– Да, – задумчиво сказал мама, присев рядом со мной на постель. А папа пошёл в спальню за тапочками. – У меня в институте случай был. Нужно было найти причину смерти одинокой женщины. Она ещё совсем не старая была... такая худенькая, маленькая. Девчонки мои, однокурсницы, всю её изрезали, но не нашли никаких патологий. И говорят мне,

мол, Надя, ты у нас привычная, фельдшером работала, трупов нанюхалась... – зашёл папа, кинул маме в ноги её тапки, а сам сел рядом на стул. – Вскрой, говорят, брюшную полость. Ну, понятно: что за радость экскременты нюхать? А мне-то что? Я и вскрыла... А там пусто... Вообще ничего нет, даже не пахнет.

Я вытаращила на маму глаза: – А что, так бывает?

– Как видишь, бывает. И не такое бывает. Почему она не ела, я не знаю. Но причину смерти я выяснила. От голода та женщина умерла.

Она вздохнула, встала и опять своим командирским голосом произнесла: – Так что, не бойся и не переживай. Никто не знает, когда и как он будет похоронен. И кем. Всё! Я – спать!

– А ты, папа? Ты на войне много мертвецов видел?

– Много, доченька. И до войны, и после... На войне как раз поменьше. Я же летал, что там сверху увидишь? Но первую смерть на войне помню. Это мой дружок был, Митя...

Папа пересел на освободившееся после мамы место на постели, обнял меня и начал рассказывать:

– Это было прямо в самом начале войны, мы только по два или три боевых вылета успели сделать. А тут смотрим: к нам на аэродром мессер подбитый садится. Сел он, а из него немец выходит. Качается, весь в крови, ну, раненый... Мы к нему с ребятами кинулись, помочь хотели. Митька ме-

ня всего-то на два шага и опередил. Подскочил к нему, приобнял, а тот вынул из унта нож и всадил ему точно в сердце. Митька прямо мне на руки упал. Наши немца схватили и уволокли куда-то, не знаю... А Митька так у меня на руках и умер.

– А зачем он его убил? – от удивления у меня высохли слёзы.

– Думаю, испугался. Он тоже совсем молодой был. Все мы тогда были молодыми и непугаными... А ты давай, спи. Не думай об этом.

– А сказку? – нагло схитрила я. Уж очень мне не хотелось оставаться одной.

– Ну, ты даёшь! Ты же большая уже, – и он начал...

Эту сказку папа когда-то сочинил сам. Но видимо, не до конца, или мне её ни разу до конца не досказал. Когда меня, маленькую, он укладывал спать, то всегда делал этот зачин. В памяти стёрлось всё остальное, а эти две строчки помню.

– Давным-давно в тюрьму из льда

Закрыли зло навечно... Всё. Спи.

11. Продлись, продлись, очарованье...

Кто о чём, а я опять о книгах. Хорошо ли, плохо ли, но так меня воспитали, с этим я выросла и живу. И сегодня хочу рассказать почти волшебную историю. Ещё бы, ведь и книжка эта – сама настоящая сказка.

И да, как и положено в рождественской сказке, в этот день за окном падал снег. Декабрьский снег. Это был первый настоящий снегопад той зимой. Крупные хлопья торжественно и тихо ложились на всё пространство за окном.

Мы договорились с Олькой, что пойдём вечером кататься на санках, позаимствуем у кого-нибудь из соседских детишек. Свои-то уже давно сломали или отдали кому-то. Ну, а если не найдём, то просто постряхиваем друг на друга снег с веток. Любимое занятие...

А пока вечер ещё не наступил, я достала из портфеля потрепанную тоненькую книжку, которую мне торжественно вручил кто-то из одноклассников. Почему-то в классе считали, что я люблю английский и знаю его, что, конечно, было не так.

Обложки у книги уже не было. Лишь на титульном листе был нарисован чей-то памятник. Oscar Wilde «The Happy Prince» прочла я. Рассказ был адаптирован, но я чётко пони-

мала, что без словаря я его не осилю. Достала толстый мюллеровский словарь, положила рядом и уткнулась в английские буквы.

Сначала было тяжковато, я бесконечно отвлекалась на перевод слов, а потом, к своему удивлению, которое пришло уже после, я увлеклась и просто запоем читала. Я читала сказку о несчастном счастливом принце и его помощнице ласточке. О замерзающей белошвейке, голодном студенте и босом мальчике со спичками.

О добре и зле, о щедрости и жадности, о счастье и несчастье. Талант писателя, несмотря на адаптированный вариант, натурально захватил меня. Редко так бывает, но бывает.

...Резкий дверной звонок вернул меня в действительность. О, Олька пришла! Сейчас я ей расскажу, какую прелесть я только что прочитала. И я, торопливо натягивая на себя теплые вещи, начала взахлёб пересказывать ей Уайльда:

– А ласточка ему говорит: если я сейчас полечу к голодному студенту, то не успею долететь в тёплый Египет. Сама замёрзну...

Я вынырнула из горловины свитера и увидела недоумевающие Олькины глаза.

– Ты чего? Ерунду какую-то рассказываешь: принцы, памятник, ласточки...

– Но ведь они же погибли... за людей... А эти толстые бургеры их на помойку выкинули... – я ещё пыталась что-то возразить, как-то объяснить, но уже поняла: бесполезно,

не смогу.

Ушло очарование. Не смогла я передать то волшебство слов, красивую их вязь, глубокий смысл... «Он сказал. Она полетела. Мальчик плакал...» Всё кондово, не интересно. Может, это потому, что я пыталась передать английский текст русскими словами? Да нет, не потому. Просто я не Оскар Уайльд. Не дано...

– Пошли, сказочница, я на втором этаже санки видела. Позаимствуем на часок.

Я немного погрустила, но сугроб снега, рухнувший с помощью недрогнувшей Олькиной руки с ветки прямо мне на голову, быстро вернул мне хорошее настроение.

... И вот прошло много-много лет. Правда, много. Наверное, лет тридцать. Поздним вечером я смотрела передачу «Школа злословия». Две очаровательные «змеиные головушки» Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова в очередной раз пытали какого-то гостя. Диалоги сменялись монологами, они рассуждали, смеялись, спорили, и вдруг!.. Татьяна Толстая начинает рассказывать забавную историю из своей юности. Про сказку Оскара Уайльда «Счастливый принц». Она совершенно моими словами рассказывала, под каким впечатлением она была от этой книжки и как пыталась поделиться своим открытием с кем-то из друзей. Как её не понимали, пожимали плечами и отшучивались...

– Так не бывает, – ошарашено думала я. – Не бывает таких совпадений. Чуть ли не в одно и то же время две очень

далёкие друг от друга девочки испытали абсолютно одинаковые эмоции, одинаково прониклись очарованием слова и не смогли, не сумели передать его другим. Вот где оно, волшебство...

И я машинально повернула голову к окну, посмотреть, не идёт ли снег?

12. Владимирка

Как странно, одна брошенная в пространство фраза может привести на кучу интереснейшей информации, заставить вспомнить детство, полюбоваться передвижниками, послушать Шаляпина, вспомнить большевиков и ещё всего-всего разного и много.

Лет 11–12 мне было, когда мама купила мне прекрасно изданную книгу о передвижниках. Я листала её глянцевые страницы, читала о жизни художников и часами застывала над хорошо выполненными иллюстрациями картин. О художниках автор рассказывал трепетно, без нынешней бесконечной желтизны. Перед моими глазами появлялись гиганты русской живописи: Левитан, Поленов, Саврасов, Куинджи, Крамской...

Как-то, когда я разглядывала картину Левитана «Владимирка», ко мне подошла мама: «А ты знаешь, что это за дорога?»

Владимирка... Знаменитый, известный ещё с пятнадцатого века Владимирский тракт. Дорога каторжников, начинавшаяся от Рогожской заставы и шедшая до Владимирского централа, и дальше, через Нерчинск в Сибирь, а то и на Сахалин.

По ней вели ещё декабристов, вели пешком. И в стужу, и в жару, в дождь и пургу. И женщин, и мужчин, и злыдней

конченных, и невинных. Закованные в кандалы, они шли по основной дороге, а по бокам, по таким же протоптанным лошадыми тропинкам ехал конвой.

По дорожке большой, что на север идет,
Что Владимиркой древле зовется,
Цвет России идет, кандалами звенит,
И «Дубинушка» громко поется.

В 1892 году, когда Левитан во время одной из своих обычных долгих пеших прогулок, наткнулся на Владимирку, она уже не использовалась как каторжный тракт. Была построена Транссибирская магистраль, по которой стали возить осуждённых в зелёных вагонах (Помните, у Блока: "Вагоны шли привычной линией, подрагивали и скрипели. Молчали жёлтые и синие, в зелёных плакали и пели"). Но мрачная слава этой дороги намертво врезалась в память.

Надо отдать должное циничному юмору большевиков. В 1919 году по предложению Луначарского эта дорога в Москве была переименована в Шоссе энтузиастов.

А что? В этом что-то есть...

А вот ещё одна стихотворная иллюстрация к знаменитой картине. Мне её прислал хороший, совершенно незнакомый человек, прочитав мой текст. Может, и вы что-то вспомните?

Николай Рубцов

ПОДОРОЖНИКИ

Топ да топ от кустика до кустика –

Неплохая в жизни полоса.

Пролегла дороженька до Устюга

Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники

Потому что, плача и смеясь,

Все прошли бродяги и острожники -

Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики.

Для людей мечтают позвенеть,

Но цветов невучие бутончики

Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика

По следам давно усопших душ

Я пойду, чтоб думами до Устюга

Погрузаться в сказочную глушь.

Где мое приветили рождение

И трава молочная, и мед,

Мне приятно даже мух гудение,

Муха – это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга

Через город Тотьму и леса,

*Топ да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса!
1969*

13. СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ...

Мы, все трое, Ритка, Оля и я были, конечно, закоренелыми атеистками, можно даже сказать, конченными. Но жизнь рядом с Никольской церковью вносила свои коррективы. А чего? После школы пройдёшь два шага, галстук сунешь в портфель и давай рассматривать красоту иконописную, слушать церковное пение да дышать ароматным ладаном. Бабульки все были добрыми и внимательными, никогда нас не гнали, про всех святых на иконах рассказывали. Хорошо, красиво, спокойно! Другой мир.

Вот и тогда, в десятом классе, мы знали, что наступает колдовская ночь перед Рождеством и, как и положено шестнадцатилетним девицам «почти на выданье», решили узнать свою судьбу. Инициатором выступила Ритка. У неё бабушка Маша знала, как правильно гадать на святки. Это было очень кстати, потому что наши познания в этой области начинались и заканчивались балладой Жуковского да картиной Брюллова о гадающей Светлане.

Часам к десяти мы с Ольгой подтянулись к Ритке домой. Родители отдали нам квартиру на откуп, закрывшись в спальне. Даже звонкий и хулиганистый пёс Чапа улёгся спать в уголке и не стал нас воспитывать.

Ритка снесла в свою комнату все имеющиеся в доме зеркала, расставила их с бабушкой в каком-то хитром порядке и

мы начали по очереди вглядываться в загадочную стеклянную муть: «Ряженный суженый, приди ко мне ужинать!» ... Очередь из отражённых зеркал была бесконечной. Ещё, ещё, ещё вглубь и так до бесконечности. Свечи трещали по бокам от зеркала, девчонки, не шевелясь, сидели сзади и я потихоньку начала впадать в какой-то лёгкий транс. Зеркала становились мутными, очертания их расплывались и вот из этого тумана стало появляться незнакомое лицо. Или знакомое? Человек улыбался и что-то говорил. Мне? Не мне? Как будто сквозь зеркала он приближался ко мне, но видел ли он меня? Я отпрянула. Нет, страшновато это. Пусть девчонки сами пробуют, если хотят, а мне хватило...

И вот, ушибленные мистическим туманом, мы переместились на кухню, где нас ждала бабушка Маша. В обычной жизни она нас не сильно жаловала за неприличные юбки и распущенные волосы, но в эту ночь смягчилась: «Ну, что с этих дурёх взять? Может, гадания наставят их на путь истинный?»

На большой тарелке лежала скомканная газета. Ритка выключила свет, баб Маша подожгла газетный ворох и кухню заволокло едким дымом. Сгорело всё быстро и при сумрачном свете догорающей бумаги на белой стене стали появляться корчащиеся фигуры... Они падали, вставали, снова падали, махали руками, подкидывали что-то вверх, и снова вставали, и снова падали. Мы были полностью раздавлены и ошеломлены: жизненные перспективы были ужасны. Бабуш-

ка быстро включила свет и начала нас успокаивать: «Да вы что, девчонки, это вовсе и не черти, и даже не дерутся они, а радуются! Значит, жить вы будете весело и хорошо. А подкидывают они детишек маленьких. Видели, сколько детишек вам наподкидывали? Всё будет хорошо!»

Жути мы на себя нагнали уже достаточно и решили переместиться на улицу. Жан Жаныч, Риткин отец, выделил нам свой старый башмак и мы в сопровождении верного оруженосца Чапы выскочили на морозец продолжить страшные, но страшно интересные святочные гадания.

Все мы жили в одном большом дворе, состоящем из семи многоквартирных домов. И, по-моему, в каждой квартире жили наши ровесники, плюс-минус два года. Жили мы очень дружно, вместе, и мальчишки и девчонки, играли в казаки-разбойники, штандер, выбивалы и модный в нашем детстве бадминтон. Все крутили обруч, и играли в классики, и прыгали через скакалку. Мальчишки даже лучше. Зимой заливали каток. На крыше одного из домов кто-то из родителей установил прожектор и рубиться в хоккей можно было допоздна. С моего четвёртого этажа все хоккейные баталии были видны как на ладони, что сильно отвлекало от уроков. Мы все успели повлюбляться друг в друга по нескольку раз и уже не сильно понимали «кто сейчас за кем бегаёт».

Но в ту ночь двор был уже пуст. Мы выскочили на хоккейную площадку и по очереди, зажмурившись и как следует раскрутившись, стали бросать башмак. Он улетал у кого

под скамейку, у кого в кусты, а Чапа с радостным лаем бегал по двору и гордо приносил нам его обратно. Беда была в том, что куда башмак ни кинь, везде жили наши мальчишки, уже сто раз перелюбленные и порядком надоевшие. Но факт всё равно с хохотом фиксировался. А как же? Завтра будет что рассказать в школе.

...Время приближалось к двенадцати и мы решили приступить к самому главному гаданию: выяснению имени суженого. Неожиданно это оказалось затруднительно: людей на улице не было. Мы вглядывались в пустоту улицы, крутили головами... Никого. И вдруг примерно метрах в ста от нас появилась одинокая мужская фигурка. Мы рванули за ней. Бедный мужчина ускорил шаг, не понимая, что трём девицам нужно от него.

– Олька, ты первая! Давай, спрашивай!

Олька оторвалась от нас, догнала несчастного: – Имя! Имя назовите!

– К-какое?!

– Мужское, любое!

– Своё подойдёт? Вова...

Спасибо тебе, далёкий, недоумевающий, перепуганный Вова... Не сбылось... Ни Саша не сбылся, ни Серёжа... Да и ладно.

Жизнь зато сбылась. Именно такая, какой мы видели её на белой стене у Ритки на кухне. Как в кино... С падениями и подъёмами, опять падениями, и опять подъёмами.

14. Когда мне будет 64...

Магнитофон был новеньким, недавно подаренным Ему родителями. А вот запись... Сто раз перезаписанная песня прорывалась сквозь хрипы и шумы других магнитофонов, людей и стран.

Will you still need me,

Will you still feed me

When I'm sixty-four?..

Какая это была по счёту перезапись? Пятая? Десятая? Половины слов было не разобрать. Но припев Маккартни выкрикивал чётко, и все понимали его вопрос:

«Будешь ли ты так же любить меня, когда мне будет 64?»

В комнате было много народу, но Они были только вдвоём. Не было никого в комнате. Странный ритм этой песни не позволял танцевать ни что-то медленное, ни более-менее быстрое, но это было неважно. Главное, Они вдвоём, и никого вокруг больше нет. Только Они и голос Маккартни:

«Будешь ли ты так же любить меня, когда мне будет 64?»

You'll be older too...

And if you say the word

I could stay with you.

Дождь, май, вечер. Или уже нет дождя? Может, это капли падают с карагачей и тополей? В лужах отражается свет фонарей, и Они идут по лужам и рассказывают друг другу

всё-всё.

– Ты согласен со мной?

– Конечно! А ты ведь не будешь спорить, что это так?

– Нет, не буду! Я полностью согласна!

И опять на людной улице нет никого. И Они идут под зонтом в мокрых по щиколотку джинсах, прижавшись друг к другу, смеясь и радуясь и этому узнаванию. Они ещё не знают своего будущего, совсем не думают о нём. Да и зачем? Ведь Они теперь всегда будут вместе.

Will you still need me,

Will you still feed me

When I'm sixty-four?..

...И опять май и город весь в сирени. Она выходит из подъезда с годовалым племянником на руках.

– А тебе идёт ребёнок.

Она смеётся: – Сейчас посмотрим, идёт ли тебе.

– Ух ты, тяжёлый!..

– Да он уже сам ходит, да, Вовка? Сейчас дойдём до скверика, а там ножками!

Вовка согласен и на ручках и ножками.

Grandchildren on your knee

Vera, Chuck, and Dave

Осенний вечер за окном. Они, уютно устроившись на диване, рассматривают его семейный альбом. Папа, мама, Он с братом... Это тётя, папина сестра, это мамин брат. Он далеко, в России.

– А это кто?

– А это какая-то папина девица. Она ещё до мамы была.

Что-то больно кольнуло где-то, даже не в груди. Она и не поняла, где. Долго рассматривала фотографию незнакомой девушки.

– Ты чего? А вот, посмотри, здесь мне два года. Смешной, да?

– Да...

Какой-то холодок прошелестел между ними. Из минутного тумана выплыл никогда Ею не виденный молодой человек, показывающий незнакомой девчонке Её фотографию: «Да это какая-то папина тёлка, это ещё до мамы было...»

«А ты, ты, будешь ли ты так же любить меня, когда мне будет 64?»

...Хоть в мае, хоть в ноябре уже забыто Его лицо, с трудом вспоминается голос. Только светлая грусть о несбывшемся. Лёгкая грусть о тех давнишних мальчике и девочке в мокрых джинсах и майках с самодельными трафаретами битлов на спине, уходящих под весенним дождём по рельсам вслед за трамвайными звонками.

Will you still be sending me a valentine

Birthday greetings, bottle of wine?

И вот опять май и Ей 64... Всё, как тогда: и дожди, и сирень. Фотографий только нет. Ни одной. Там, где есть Он и Она. Ни у Неё, ни у Него... Все порвала. Зато никто не скажет: «Да, это какая-то старая отцовская знакомая, это ещё

ДО МАМЫ БЫЛО»...

Give me your answer fill in a form

Mine for evermore

Will you still need me

Will you still feed me

When I'm sixty-four? Hoo...

When I'm sixty-four? Hoo...

15. El pueblo unido

До той осени я мало ела виноград. Есть виноград – ем виноград, нет винограда – и не вспомню про виноград. Но вот с той осени, когда он есть и я его ем, то всегда вспоминаю, как еду в автобусе с остальной абитурой по красивейшей Талгарской трассе в винсовхоз «Казахстан». Вся трасса усажена пирамидальными тополями, так похожими на кипарисы, справа горы, сверху синее небо, а слева длиннющие бетонные лотки для полива. В них серьёзным потоком несётся чистейшая горная вода. Прямо по курсу – городок Чилик, а там и до Китая недалеко. Но Чилик нам не нужен, выходим раньше. С обеих сторон до горизонта тянутся ряды с виноградными лозами, высаженными как по линейке. Господи, какого же винограда там не было!.. В основном, конечно, "Мускат", «Рислинг» и какой-то винный сорт чёрного винограда, но были делянки и с «Дамскими пальчиками», и с «Бычьим глазом».

Сначала мы бегали мыть наиболее понравившиеся кисти, но через пару дней плюнули на всякую там городскую санитарию и заталкивали в рот целиком исходящие теплом и солнечным светом ароматные грозди. К вечеру мы становились похожими на пыльных чучел в потёках сладкого нектара. Во рту оскомина, пальцы прилипают друг к другу, майки и трико колом стоят. Красота! Старшим у нас был преподаватель

с какого-то другого факультета, я его больше за годы учёбы и не встречала. Невысокий интеллигентный очкарик с очень тихим голосом. И вот, в десятых числах сентября, он вернулся из города, собрал нас всех возле совхозного клуба, где мы кантовались, и печально произнес: «Девочки, слушайте меня внимательно. В Чилике переворот...» Мы застыли в ужасе: мы от Чилика километрах в сорока, а папа с мамой далеко! Как же мы теперь? Куда бежать? И как так – переворот? Кто? Зачем? А наш интеллигентный препод так же тихо и печально продолжил: «Сальвадора Альенде убили...» Раздался вздох облегчения, кто-то нервно засмеялся. Пронесло.

Да и в самом деле: какой переворот мог быть в СССР в 1973 году? Смешно. Повздыхали и разошлись. Забылось это как-то. Только, приехав в город и начитавшись газет, мы поняли, что произошло. Страна натурально стояла на ушах. Всех в очередной раз охватила пылкая любовь к угнетённой Латинской Америке.

История с Кубой для нас, семнадцатилетних, действительно была историей. Сколько нам там было в пятьдесят девятом? Конечно, знали и восхищались и Фиделем Кастро, и Че Геварой, но там уже как-то всё устоялось, успокоилось, а тут!.. Концлагерь на стадионе в Сантьяго, горящий дворец Ла Монеда, расстрелы, отрубленные руки поэта Виктора Хары, всё заставляло соперживать. Абсолютно искренне. Имя Пиночет моментально стало нарицательным и ненавистным. Мы не знали испанского, но слова *El pueblo unido jamás será*

vencido были нам понятны. Мы поднимали правую руку со сжатым кулаком: No pasaran! Всё равно, они не пройдут! Мальчишки разучивали аккорды на гитарах, на слух ловили незнакомые слова и из всех подворотен вперемешку с битловскими песнями и другими дворовыми страданиями несло: «Эль пуэбло унидо хамас сера венсидо!».

Вот такой мне запомнилась осень 73-го года, первая моя взрослая осень. Сегодня тоже одиннадцатое сентября. Сейчас виноградинку съем, косточки выплюну и вспомню что-нибудь ещё...

16. Вперёд к коммунизму

Ах, какой это был весёлый Новый год! Ах, как веселы и молоды мы были! Нам всем чуть за двадцать. Энергия бьёт ключом, жизнь тоже, но пока не по голове. Пока промахивается. Мы все добры, умны, остроумны, нарядны и очень благодущны.

Карнавал! Сегодня будет карнавал! Со свечами и масками, с переодеваниями и перемигиваниями, с ёлкой, увенчанной огромной красной звездой в углу комнаты, и хрустально звенящей рождественской ёлочкой в центре праздничного стола, с телевизором, ревушим Пугачёвой, и магнитофоном, который признаёт только любимых с детства битлов.

Сегодня особый Новый год, 1980. Мы радостно празднуем приход коммунизма по наши души. Каждой душе теперь по потребностям.

Мы двадцать лет ждали этого дня. Ведь сказал же Хрущёв в 1960 году, что через двадцать лет советский народ будет жить при коммунизме. Значит, так тому и быть.

По телевизору мечутся люди, одетые в средневековые костюмы. Там любят и страдают принцы и принцессы. Показывают фильм «31 июня». Хочется смотреть, но мешает незнакомый мне гость, пытающийся слегка за мной приударить. Я невпопад отвечаю. После очередной неудачной попытки пригласить меня на танец, он, сощутив глаза, проце-

дил: «Знаешь, кто ты? Ты принцесса, которая никогда не станет королевой».

Ухмыльнулся.

Вокруг весёлый шум, звенят фужеры с шампанским, раздаются ироничные тосты о наступившем светлом будущем человечества. Всем хочется ещё веселья, шума, беготни.

Вываливаемся на улицу, а снега нет. Ну, не было в том году снега до января. Грязи сколько угодно.

...И лепили мы снежки из грязи, и кидали их в стволы деревьев, и поздравляли всех подряд с Новым годом и абсолютно новым, долгожданно-неожиданно наступившим на нас коммунизмом.

Куранты пробили двенадцать, стрелки на часах дёрнулись и пошли. Но куда-то не туда пошли, куда-то вбок.

...И наступило тридцать второе декабря. Карнавал продолжился, а мы и не заметили. Оказывается, так бывает, когда заигрываешься в карнавал.

И страна сжалась как шагреновая кожа, и Павка Корчагин обернулся Растиньяком, и Наполеон выродился в доцента Соколова, и Жанна д'Арк ударилась оземь и оборотилась Гретой Тунберг.

И принцесса так и не стала королевой...

...Пролетают и тают любимые лица... Или это маски? Всё понарошку. Страна понарошку, любовь понарошку, еда понарошку, деньги – тоже. Всё иллюзия, обман. Всё от лукавого...

Тридцать третье декабря, тридцать четвёртое...

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

А мы всё ещё в декабре, всё ищем чего-то настоящего...

Тридцать пятое, тридцать шестое...

А нам вослед, в туманные сумерки, с высот коммунизма
летят снежки. Из грязи...

17. Трёхкопеечная рапсодия

О, вот и трамвай! Слава богу, не пришлось долго ждать в темноте и на морозе. Талгарская. Конечная остановка, сами понимаете, имеет свои плюсы: можно занять удобное место, так, чтобы и не у самого выхода, но и не слишком далеко. А то потом, на своей остановке, тяжело продираться в толпе.

В салоне холодно. Трамваи тогда не отапливались. Но ничего, скоро набьётся куча народу, надышат и станет вполне себе нормально.

Я уселась у окна, трамвай мелодично звякнул и тронулся. Улицы не видно, потому что все окна в салоне разрисованы красивыми ледяными белыми перьями. Я подула на окно, в то место, где уже кто-то до меня проделал маленькое круглое окошечко в мир. Сняла перчатку и теплой рукой довершила работу. «Э, нет, да тут не кружок, а сердечко!» Всё ясно! Я посмотрела вверх и нашла! «Миша+Наташа=любовь» Все правильно. А я рожицу рядом нацарапаю. А про любовь ещё раз обведу ногтем, а то буквы уже прихватило морозцем. Пусть Мишина любовь поживёт подольше!

Трамвай встал на светофоре и окно осветилось красным светом. Я зачаровано смотрела на серебристо-красные узоры, потом они в один миг стали золотыми, помигали немного и окрасились в изумрудный цвет. Сказка!

– Фурманова. Следующая проспект Коммунистиче-

ский...

Ах, май, мой май! Красота в городе неопишная. Всё цветёт и благоухает, и мои любимые трамваи прихорошились. Их покрасили свежей жёлтой и красной красками и стали они нарядными, яркими, и звенят они на поворотах особенно мелодично. С птицами соревнуются.

А на самом первом сидении сидит тётенька-кондуктор в кокетливо надетом чёрном берете. А на берете блестит брошка-бабочка. Когда-то давно, помню как в тумане, были и кондукторы, и вагоновожатые одеты в форменные темные пиджаки. Потом форма, наверное, поизносилась, а новую не выдали. И стали они выходить на маршруты кто в чём, а береты ещё какое-то время оставались.

– Оплачиваем за проезд! – ржавым голосом кричала тётка.

Вот ведь времена были! Целая кампания по ликвидации безграмотности кондукторов была проведена в семидесятые. В союзных и республиканских газетах выходили целые статьи, пытавшиеся бороться с неправильно поставленными предлогами: «Оплачиваем проезд, но платим за проезд». Да куда там советским газетам против советских тёток! Не смогли...

– Передайте, пожалуйста! – постучал меня по плечу стоявший рядом мужчина. Я добавила свои три копейки к набравшейся уже солидной горсти мелочи, и тоже произнесла сакраментальное «Передайте, пожалуйста». Кондукторша

сосредоточенно пересчитала копейки и открыла от своей бобины длинную бумажную змею. И пошла бумажная змейка по салону в обратную сторону, потихоньку уменьшаясь. Вот и я оторвала свой билетик и с привычным ужасом начала считать цифры: счастливый – несчастливый? Потому что, если счастливый, то его надо было немедленно съесть, как секретное донесение. А если вдруг контролёр? А у меня нет рубля платить штраф! Но в этот раз пронесло – обычный билет. Доеду спокойно.

– Гагарина! – кричит тётка в берете. – Следующая Ауэзова!

А вот и жаркое алма-атинское лето вспомнилось. Жарко везде: и на солнце, и в тени, и в салоне трамвая. Особенное пекло с южной стороны. Поэтому почти все сиденья у южных окон свободны. Но я, четырехлетняя, тяну папу к окошку. Жёсткие деревянные лавки просто раскалены горным беспощадным солнцем, но я мужественно пристраиваюсь голыми коленками к окну. «Папа, открой!» И папа послушно открывает мне всё окно до самого низа. Тогда, в старых деревянных трамваях окна можно было открыть полностью. Сам садится рядом и согнутой в локте рукой регулирует мою бедовую голову, чтобы её не снесло встречным трамваем. Раскалённый ветер обдувает меня, треплет волосы, застит глаза. Но это всё ерунда по сравнению со счастьем езды с высунутой в окно трамвая головой. А что же это тогда, если не счастье?

– Пастера! Следующая Сейфуллина...

Осень, особая пора. В юности я всегда дожидалась дождливого октябрьского дня, надевала резиновые сапоги, брала зонтик и старый портфель и в гордом одиночестве ехала, куда глаза глядят. Вернее, куда в этот раз привезёт меня мой старый любимый трамвай. Выходила когда возле парка, когда в микрорайонах, когда в «Орбите» и шла по аллеям и скверикам собирать листья. Вокруг было тихо, мокро и разноцветно. Самые красивые экземпляры я складывала в сумку. «Дома засушу между страницами старого учебника по биологии». В общем-то, листья и не были нужны мне вовсе. Был прекрасен сам процесс прощания с осенью.

Где-то недалеко, за разноцветными деревьями звякнул трамвайчик, значит, пора. Пора возвращаться на свою Комсомольскую – Космонавтов.... Осторожно, листопад.

18. Вдребезги

Давно это было. В другой стране, с другими людьми и как будто не со мной. Но было, помню.

Помню себя бегущей по коридорам поликлиники и прижимающей к груди кучу больничных карточек. Я закончила первый курс института и была свободна как птица.

– Так, Люда, тьфу! Лариса, тьфу! Лена! – строго сказала мама. – Всё, хватит этих бессмысленных мотыляний по городу со своим Вадиком. Не школьница уже. Пойдёшь поработаешь. В регистратуре в нашей поликлинике санитарка в отпуск ушла, некому карточки разносить. Работа не пыльная, легко справишься. И поликлинике поможешь, и деньги заработаешь. Я в твои годы в Тургае...

– Хорошо, мама, хорошо, только не про Тургай! Я всё помню. Ты там ездила по становищам и принимала роды. И всех девочек называла Ларисами...

– Ездила... – передразнила мама. – Пешочком по сугробам или, если повезёт, на кукурузнике. И мне тоже было восемнадцать, сопля совсем, – мама посмотрела на меня с жалостью, вздохнула и отчеканила по-командирски: – Завтра пойдёшь со мной и устроишься на ставку санитарки.

...В регистратуре всегда было шумно и нервно. Разрывался телефон, больные, всё время что-то орали, наполовину втискиваясь в полукруглое окошечко, медсёстры лени-

во отбрёхивались, а затем плавно и грациозно передвигались между стеллажей, лёгкими движениями доставая нужные карточки. Сначала всё это повергло меня в шок, но потом ничего, привыкла. Но всё равно старалась поменьше торчать за этим стеклом. Да и что мне там было делать? Взяла приготовленные карточки и бегом по больничным коридорам.

На каблуках. Первое время, как и положено, переобувалась в тапочки, но потом, потом... Эх, молодость, молодость! Ну как я могла при таком скоплении разнокалиберного народа бегать в каких-то тапочках? Достаточно того, что я в халате и на голове белая косынка. Я её, конечно, пыталась завязать как-нибудь пококотливее, но что можно было придумать с этим куцым треугольником?

На полпути к нужному кабинету меня нагнала Танька, несостоявшаяся пока студентка медучилища, зарабатывающая себе стаж в поликлинике. Она поднырнула сзади, взяв меня под ручку, и заговорщицки зашептала:

– Он опять здесь, на лестнице, между вторым и третьим этажами...

– Таня, дался он мне! Ну, ходит, ну, смотрит! Ну его!

– Неужели тебе не интересно? Он же так печально смотрит. И не подходит. И молчит. Неделю уже! Я просто умираю от любопытства!

– Пойдём лучше в пятый кабинет, покурим, у меня «Казахстанские» сегодня есть. Вадик где-то достал.

– Какая ты бездушная... О, вон, смотри, стоит!

Мой странный ухажёр действительно стоял, спрятавшись за огромным больничным фикусом. Он был, как всегда, печален и загадочен. Он даже не пытался предпринимать каких-либо действий, просто стоял и смотрел. И так уже целую неделю. В разных частях больницы.

Мы независимо прошли мимо и укрылись в почему-то всегда пустующем пятом кабинете.

В распахнутое окно на нас смотрели яблоки.

– О, пеструшка уже поспела, можно есть, – я перегнулась через подоконник, пытаюсь достать ближайшее яблочко.

– Ты что! Разве можно есть эти городские яблоки!?

– Подумаешь, – возразила я. – Я всегда всё в нашей округе ела. Пока из дома до школы дойдёшь, натурально наедаешься. И завтракать не надо. И райка, и шелковник, и боярка, и тёрн. А тут шикарная спелая пеструшка! Балда ты, Танька! – я откусила от яблока и аж зажмурилась от удовольствия.

– Слушай... – Танька, прищурившись, задумчиво выпустила три колечка дыма. – А если ты ему улыбнёшься? Ну, так, между прочим... – она изящно помахала кистью.

– Зачем?

– Он тогда решит, что он тебе тоже нравится, и перестанет стесняться.

– Зачем?

– Так тогда, может, скажет, что ему надо! Чего он мнётся и никак не подойдёт? Ну, правда, ну подумай... – Танька

начала канючить.

– Ладно, я подумаю.

В самом деле, может, надо чего человеку? Чего же это он до врача никак дойти не может?

... На следующий день я уже сама искала глазами своего застенчивого кавалера. К обеду, сделав несколько рейдов по кабинетам, я почему-то начала волноваться. Эх! Наверное, вылечился мой ухажёр! Оно и к лучшему. Но ближе к трём часам, когда в поликлинике стало тихо и полупустынно, он появился.

Он всё так же нелепо стоял на лестнице между этажами, как памятник непонятности и ненужности. И всё-таки кто-то же из нас должен быть смелым? Подумаешь! Ну, что за проблема спросить у девушки, как её зовут? Или как пройти к стоматологу? Я выдохнула и, глядя ему в глаза, улыбнулась...

А мой герой, побледнев и вытаращив глаза, произнёс:

– Я давно хотел у вас узнать, как мне вылечить свои фурункулы.

– Какие фурункулы? Где? – я тоже округлила глаза.

– Да вот... – и он сделал нелепый жест рукой, показывая куда-то ниже спины.

– А почему я? – от удивления у меня сел голос и онемели губы.

– Мне сказали, что вы в медицинском институте учитесь. Вот я и решил... у вас проконсультироваться...

– Я в инязе учусь... На английском... Первый курс закончила... – я прошептала эти слова, плохо понимая, что вообще произошло.

Ноги не слушались. Мы стояли друг напротив друга, вытаращив глаза и не в силах сдвинуться с места.

А мимо сновали люди, толкались и хмурились, не зная и не понимая ужаса произошедшего. Давно это было. И как будто не со мной...

19. Сватовство

Ровно в семь я вбежала в ворота детского сада. Сыпал снежок. Непроглядную темень немного разбивали только тускловатые лампочки над входными дверями. А перед закрытой дверью темнела маленькая детская фигурка. «Охо-хох! Уже кого-то привели. Мой – не мой? Ну, надо же, дверь закрыта! Никого ещё нет».

Я ускорила, добежала: «Мой! Андрюшка Волошко! Его же не было две недели, болел. А тут стоит один-одинёшенек на холоде. Эх!»

– Здравствуйте, Елена Николаевна!

– Привет, Андрюша! Ты не замёрз? Побежали быстро в тепло. Что, мама сильно торопилась, не смогла никого дождаться? Сколько дней ты болел? Неделю? Две?

Я, открывая дверь, сыпала вопросами, а Андрюша только вздыхал. Уже потом, тяжело переставляя на ступеньках ноги в неудобных, но тёплых сапогах, выдал: – Да знаете, я уже тогда совсем было собрался идти в детсад, а меня обнаружили...

– Вот как! – прыснула я. Мы вошли в группу. – Ну, давай справку. Что там у тебя обнаружили... Ну, ничего страшного, ОРЗ. Опять, поди, снег ел?

Андрюша засопел и стал снимать тяжёлые сапоги.

Я тоже разделась, надела халат. Тяжелая мысль посетила

меня: «Что-то Ани нет. Опять я осталась без нянечки. Ну, Анька! Придётся мне покрутиться сегодня».

Андрюшка всё ещё возился с неуступчивым сапогом. Я подскочила помочь, но он дёрнулся: «Сам!»

Других детишек ещё не привели и я присела рядом с ним на скамеечку.

Снял сапог. Поставил в шкафчик. Встал рядом и тихо, не поднимая глаз, произнёс:

– Я пока болел, думал. И решил, что теперь вы будете моя невеста.

Очень серьёзно сказал и поднял на меня свои глаза-сливы. Растерялась я, конечно, но тут ввалилась весёлая компания из детей и родителей и у меня появилась небольшая фора.

Андрей не уходил и серьёзно смотрел на меня.

– Андрюш, ты иди пока в группу, я с остальными разберусь и потом поговорим.

Дети прибывали, а Аньки так и не было. Я упростила бабушку Марины Макеевой побыть с детьми, а сама побежала за завтраком. Как буду выкручиваться с обедом и ужином, старалась не думать.

После завтрака я дала детям волю побегать: о каких занятиях можно говорить, если надо мыть посуду? Андрюшка вызвался мне помогать. Он степенно собирал грязную посуду со столов и относил её мне в мойку. Я мыла посуду, а спиной всё время чувствовала вопросительный взгляд. «Вот

тебе и пятилетний мальчишка! Настойчивый. Господи, как же мне ему отказать, чтобы не обидеть?»

Вместе с окончанием моечного процесса пришло и окончательное решение.

Мы сели в уголке и я серьёзно спросила:

– Значит, теперь я твоя невеста?

– Да, – с вызовом сказал мальчишка.

– Ну вот, хорошо. А невесту надо слушаться. Так положено.

Этим своим ответом я убивала сразу двух зайцев: оттягивала момент свадьбы и дала понять Андрюшке, что дисциплина и ответственность – прерогатива всех женихов.

Надо сказать, что Анрюшка и его дружок Серёжка Евдаков были самыми хулиганистыми в группе. Натерпелась я от них более чем... Но теперь они сами взялись за дисциплину в группе так, что время от времени приходилось их осаживать. Как выяснилось, самые хулиганистые и есть самые лучшие надсмотрщики. Пока я судорожно заполняла все положенные журналы со всякими учебными планами, ко мне время от времени подбегали несправедливо обиженные моими добровольными помощниками дети. Но порядок был более или менее соблюден.

Так незаметно подошло время обеда. Я посадила на стульчик в центре группы лучшую свою сказочницу Марину Макееву, дала указание мальчишкам следить за дисциплиной, схватила кастрюли и рванула на кухню. Если Маринка сочи-

нит интересную сказку, а меня пропустят без очереди, может, и обойдётся без травм и последствий. Уже на выходе услышала, как Маринка затянула своим чуть хрипловатым голосом: – Жили-были жених и невеста... (О, господи!) И не было у них ничего: ни самолёта, ни ракеты, только один автобус...

...На кухне уже была очередь из нянечек.

– О, Лен, почему ты? Анька не вышла? Ну, давай свои кастрюли. Сколько котлет накладывать? – прокричала сквозь головы нянечек повариха Алла Васильевна.

– Двадцать четыре, нет, двадцать пять. Волошко сегодня вышел, – я легкомысленно похвасталась: – Он меня сегодня замуж позвал!

– Вот тебе повезло! – закатились девчонки. – Такого знатного хулигана отхватила.

– Не ты первая, не ты последняя. Мы тут все по очереди в невестах побывали. Со свекровью зато общий язык легко будет найти, – веселилась Алла Васильевна. – А уж со свёкром...

Последние слова утонули в дружном хохоте. Я схватила кастрюли и кинулась бегом от их пошлого веселья: «Ну, бабы, всю романтику испортили!»

В группе было тихо. Маринка заливалась соловьём, а мальчишки с серьёзными лицами ходили с автоматами по округности и зорко следили за порядком. Ну, чисто полицаи!

И всё пошло своим чередом: обед, тихий час, полдник, ужин. Но что бы я ни делала, всё время чувствовала на себе взгляд чёрных, цыганских глаз-слив. Тяжело, оказывается, быть невестой. Ответственно...

Потихоньку стали приходиться родители, группа пустела. И тут подошёл ко мне Андрей, взял за руку и твёрдо произнёс: – Пойдёмте. Папа пришёл.

Я почему-то занервничала: «Господи, как я выгляжу?» И тут же осеклась: «О чём это я? Заигралась совсем».

Папа Андрюши, похожий на сына как две капли воды, еще ни о чём не подозревая, спокойно стоял, держа в руках его сапоги. Мы улыбнулись, поздоровались и тут Андрей выпалил:

– Это, папа, моя невеста, Елена Николаевна! Мы с ней решили пожениться!

– Когда? – оторопел папа.

– Сегодня!

Папа, который был старше лет на пять, оценивающе, по-мужски, глянул вдоль меня. Я стояла, сжимая карандаш в кармане халата, и не очень понимала, как себя вести. Вроде, ерунда всё это, но эти два черноглазых мужчины были серьёзны. Свести всё на шутку при Андрюшке я не могла: хоть и крохотный, но ведь мужчина! Мой жених.

Папа понял красоту момента. И тоже серьёзно сказал:

– Ну, что ж, Андрей, дело нешуточное. Пойдём с мамой посоветуемся. Как мама скажет, так и поступим.

Подмигнул мне и я с облегчением упорхнула обратно в группу.

...А Андрюшка через пару дней опять стал хулиганить и трепать мне нервы. Разлюбил, наверное...

20. Давай без отчества

– О, кто это пришёл? Это твоя новая сноха, Кланя? Ну, давай, садись рядышком, будем знакомиться! Меня Валеи зовут. Не, давай без отчества, не старая я ещё! У всех налито? А салаттики, салаттики-то положили? Во-от! Давай, за знакомство и за любовь. Любовь, она такая штука... сегодня есть, а завтра – пшик! Видишь, молодая, это я тебе показываю – пшик и нету. Молодая... Я ведь тоже была молодая, помнишь, Клань? Крррасивая... Мужиков, как перчатки: туда-сюда, туда-сюда. Чего смотришь, не веришь? То-то же... Да мы с Кланей, знаешь, как на курортах рассекали? Эх! Касу сдашь, денежку подсчитаешь – и в Сочи, где чёрные ночи... Ну, это ладно, потом как-нибудь... А в понедельник снова в буфет, людей бутербродами кормить. Всем хорошо – и нам, и людям, и бутербродам. Бутербродам, ой, не могу!.. Давай, наливай, чего жмётся? Валька сегодня гуляет, любовь свою хоронит. Чего смотришь? Да, пью! А как ещё обиду свою, сердце своё успокоить? Я ведь ему всю душу свою отдала, всю себя... Даром, что молодой дурак... Ну, как молодой? Ну, моложе... Ой, Клань, ну не на пятнадцать, меньше. Ой, ладно тебе, сноху свою не пугай, она пока непривычная. А что? Как деньги брать, так ровесник, а как в койку, так старая я? Не, я женщина гордая, хоть и немало пожившая, и таких орлов видала-перевидала. Что же он, до тридцати пя-

ти лет дожил, ни денег, ни профессии, ни жены... Детей зато наделал... Аж двоих... А сам... Даже ремонт себе сделать не может. Всё я! Эх! Давай выпьем! За ремонт! За чешский кафель. Ух! Как я его, этот кафель доставала!.. «Через кирильцо, через задний проход». Голубенький, с рисуночком. И бригаду хорошую наняла, дорогую... Быстро сделали, гады! Пока делали, мой-то, Геночка, сильно в койке старался, выкладывался по-своему... Ну, чего ты на меня пялишься? Что такое койка не знаешь? Ты пей, чего рюмку облизываешь? Кланин самогон, он, всем самогонам самогон! Ядрёный, сильно забирает. И это хорошо, а то муторно на душе, тошно, будто кошки нагадили. А так, вмажешь, и жизнь новыми красками заиграет. Не всё ещё, думаешь, потеряно, ещё много кобелей бесхозных найдётся... Не таких, конечно, как Геночка... О-о-ой! Обидно-то как! Я старалась, всю его квартирку задрипанную вылизала. Красиво стало, чисто, как в гинекологии, а он... Другую себе нашёл! Кланя, при снохе твоей можно материться? Непривычная? Господи, откуда ты такая? Молодая ещё, дурная, как девка, которую Геночка нашёл. А что же теперь в отре... отремонтированную квартиру-то молодую не привести?! А я?! Осталась, как дура последняя с коробкой кафеля чешского. Ни туда – ни сюда... Ладно, наливай! Ещё раз выпьем за любовь, чтоб она не кончалась. А если кончалась, то тогда... Ух, хорошо пошла!.. А что же теперь, смотреть, как они под ручку в отре...монтированную за мои деньги квартирку вышагивают?

Не-ет! Взяла я ключи у ремонтников, нашла дома молоток и по каждой кафелинке на его кухоньке, и в ванночке, и в туалетике шарахнула. По каж-дой. Это не долго, если в охот-ку. Бью, а сама песни пою. Про разбитую любовь... О, глянь, Кланя, сноха-то твоя весь фужер залпом выпила! Молодец, наш человек!

21. Щелкунчик

Думаю, не удивлю никого, если скажу, что люблю Чайковского. Нас таких много. И я сегодня вспомнила забавную историю, произошедшую со мной в молодости. Забавные истории происходили со мной и в зрелом возрасте да и сейчас случаются, но мне хочется вспоминать только ту страну, тех людей, ту меня. Каприз у меня такой.

Подрабатывала я какое-то время в родимом институте, в лингафонном кабинете. Работа – не бей лежачего, но на месте-то надо было находиться, даже если нет её, этой работы. И людей в здании нет: начало лета, занятия уже закончились.

У моего тогдашнего начальника был сын, по-моему, девятиклассник. Хороший, умный, эрудированный мальчик. Мы часто вели с ним долгие беседы на всякие околоэстетские темы. Мне он был интересен, а я ему банально нравилась. И вот как-то после разговоров о музыкальных предпочтениях он приволок мне послушать своё сокровище – огромную пластинку с записью балета «Щелкунчик». Простите меня, меломаны, но за давностью лет я уже запямятовала, запись какого оркестра была на диске. Помню только, что мой любимый фрагмент назывался на пластинке «Апофеоз и адажио». Сейчас почему-то пишут только Адажио.

И вот я кайфую. В лингафонном кабинете техники – на любой вкус, народу – никого. Я и включила свой любимый

фрагмент на полную мощность, чтобы лучше прочувствовать всю красоту музыки.

Я сидела за столом, закрыв глаза и полностью уйдя в музыку. Чайковский умело нагнетал торжественность и силу самого-самого апофеоза. Смешно – не смешно, но к самому моему любимому моменту я уронила голову на руки и уже ничего не соображала: только музыка, только Чайковский...

И вдруг, не знаю чем, я почувствовала, что в кабинете что-то происходит. Учужала какое-то шевеление. Я подняла голову и увидела перед собою достаточно корпулентную женщину, танцующую «Танец маленьких лебедей». Я соскочила со стула и выключила проигрыватель.

Мы стояли друг напротив друга: я в ужасе, она – устало улыбаясь.

– Извините, – прошептала я.

– О, это вы меня извините, – продолжила улыбаться преподавательница. – Правда, девушка, это очень красивая музыка, но у нас со студентами тут, неподалёку подготовка к зачёту. Музыка отвлекает.

Мы элегантно и интеллигентно расшаркались. Женщина ушла к своим студиозусам, а я глупо трясла головой, пытаюсь сбросить наваждение.

Вот такая новогодняя история, хоть и произошла она вовсе не в Новый год. Но ведь «Щелкунчик» же...

22. С непередаваемым акцентом

Вот снова я лечу Алма-Ата-Одесса. С посадкой в Баку. Сажу себе тихо, смотрю, как потихоньку заполняется салон. Как-то незаметно вокруг меня образуется тёмное пятно, состоящее из не улыбчивых и небритых мужчин в полосатых пиджаках и чёрных кепках. Они неумолимо рассаживаются рядом, спереди и сзади, перебрасываясь между собой короткими гортанными фразами. Из всего их разговора я понимаю только одно слово: «Табилиси». Именно так – Табилиси, Табилиси...

– Странно, – думаю я, – вроде, в Баку летим, почему они всё время говорят о Тбилиси?

– Левон, – представляется мне мой сосед, коренастый уса-тый мужчина, похожий на всех соседей сразу.

– Лена, – я выдавливаю из себя улыбку и спрашиваю: – А почему вы, грузины, все летите в Баку?

– Мы армяне! Мы просто живём в Табилиси, – восклицает сосед с непередаваемым армянским акцентом, приведя меня в полное недоумение: армяне из Грузии зачем-то летят в Баку. – Мы живём в Табилиси, а прямого рейса нет, только через Баку. Но у нас всё рядом. Это не Казахстан.

Мы поулыбались друг другу.

Отвернулась к окну, слушая незнакомую речь и думая о сложностях аэрофлотовских перелётов.

– Мы хорошего человека ездили хоронить, – донеслось до меня. – Мне и ему, – он кивнул на второго соседа. – он братом был. Вон тем, впереди – дядей. А тем, которые сзади сидят, – он показал назад, – вообще был раньше, давно, сосед. Мы все любили его... Вот... похоронили...

Вздохнули. Теперь понятно, отчего они такие мрачные. Помолчали немного, а потом продолжили светскую беседу. Говорили ни о чём и обо всём понемногу.

– А твоя мама, когда готовит борщ, фрукты на сковородке жарит?

Я растерялась, пытаюсь вспомнить, что у мамы за фрукты могут быть в борще.

Но Левон не дал мне долго размышлять. Он поднял палец вверх и торжественно произнёс: – Это потому, что твоя мама не умеет готовить борщ!

Я закрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться. Фильм «Ми-мино» прошёл совсем недавно, но фраза Фрунзика Мкртчяна про долму была уже крылатой.

Господи, он же об обжарке овощей говорит, сообразила я, но доказывать ничего не стала: не умеет моя украинская мама, так не умеет...

Баку встретил ветром. Очень, конечно, хотелось увидеть хотя бы море, но в памяти остался только злой солёный морской ветер.

Я зашла в здание аэропорта. Мимо меня с шумом и смехом прошли «тридцать три богатыря» одесского «Черномор-

ца», красивые и нарядные, точно «все, как на подбор». Прощли и оставили после себя невысокого человека в бежевом плаще с портфелем в руках. Я аж задохнулась: Тигран Петросян! Чемпион мира по шахматам! Один! Мне почему-то казалось это невозможным. Я вот одна стою, и он один. Но кто я!? Почему вокруг Петросяна нет помощников и поклонников? Ужас!

И вот я опять в салоне самолёта. Ко мне подсаживают два очень красивых грузина в джинсовых костюмах, что для того времени было невероятной роскошью. Два Ираклия, оба студенты какого-то одесского института. Я уже, на всякий случай, и не спрашиваю, с чего это вдруг такая сложная география.

Поздний Советский Союз... Всё уже давно переплелось и перепуталось. Да и какая мне разница, почему студенты-тбилисцы летят из Баку в Одессу?

– Ты не была в Тбилиси? – удивлённо поднял бровь один из Ираклиев.

Я притихла, вжалась в кресло. По возмущённому вопросу я поняла, что на мне грех, почти несмываемый. Стало обидно: я же не возмущаюсь, что они не были в Алма-Ате? Тоже мне, аргонавты!

С непередаваемым грузинским акцентом они захлёб рассказывали мне о красотах Грузии и собственно Тбилиси. Я посмотрела в иллюминатор. Самолёт летел не очень высоко, и было хорошо видно изумрудные холмы, поделённые попо-

лам какой-то рекой.

– Это что за река? – перебила я обоих Ираклиев.

Один из них, который сидел ко мне ближе, перегнулся, посмотрел вниз и сказал: – Это Риони.

– Красиво. Риони... – эхом отозвалась я, и мы замолчали на какое-то время.

Скоро должно было начаться Чёрное море, и я время от времени глазела в иллюминатор, чтобы не пропустить береговую линию.

Самолёт дал крен вправо, ландшафт немного изменился. Внизу опять блеснула какая-то река.

– А это что за река?

Ираклий опять перегнулся через меня, вздохнул: – Это Риони!

Надо же, опять Риони! А где же «обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры»? Я, начитавшаяся и перечитавшаяся в детстве литературы, всё соотносила с книгами. У Лермонтова не было Риони! А оно вон как...

Я даже вроде начала дремать, но самолёт опять дал крен на север и я глянула в окно. Как было красиво! На фоне зелёных холмов блистала на солнце широкая река.

– А это? Ираклий, это что за река?

Ираклий опять перегнулся и, сверкая чёрными глазами, сердито произнёс:

– Это Риони!

Я опять вжалась в кресло. Гори всё синим пламенем, боль-

ше не спрошу!

Заколдованная какая-то река! Но тут началось Чёрное море, а вскоре и Одесса.

...Домой я летела тем же самолётом. Мои любимые одеситы с присущим им размахом провожали меня весь предыдущий вечер, поэтому чувствовала я себя невыспавшейся и больной. Желание было одно: отоспаться за время полёта.

Рядом устроились мужчина с женщиной. Я прикрыла глаза и вдруг услышала голоса. Приподняв усталые веки, увидела сначала только две пары длиннющих ног. Выше, выше, а там – два высоченных блондина со сверкающими улыбками. Мои соседи зашевелились и уступили свои места.

– Я Стасис, а это Вергилиус! Мы из Каунаса!

– Господи, – думала я тоскливо. – Причём тут Одесса! Меня правильно Додик в самолёт затолкал? Но вежливо улыбнулась, мол, очень приятно, Лена.

Великаны расселись и Стасис, улыбаясь, ткнул пальцем в обшивку самолёта:

– Видите люк? – произнёс он с непередаваемым литовским акцентом. – Он как раз в шестнадцатом ряду. Здесь промежуток между креслами побольше, иначе мы не помещаемся. Приходится людей просить.

– Да, вы большие... А почему из Одессы летите? Можно же через Москву? – спросила я безнадёжно: пути Аэрофлота казались мне неисповедимыми.

– А у нас командировка в Одессу, а потом в Алма-Ату.

Ну вот, уже легче, значит, я ещё не совсем потеряна для географического общества.

– Горы наши увидите.

– Что нам все говорят: горы, горы! Подумаешь!

Стюардесса разносила напитки.

– Стасис, мне два стаканчика!

– О. да ты погуляла вчера? На, держи. Вы, русские, много пьёте.

Я чуть не поперхнулась, но крыть было нечем: действительно погуляла.

– Всё пьёте и пьёте... Все русские много пьют. Не хотим мы с вами жить, – беззлобно ворчал Стасис.

Я пожала плечами: лично я не держу. О чём спорить? Я хочу спать.

... Проснулась я, когда появились горы. Глянула на Стасиса и увидела в его глазах такую гамму чувств! От недоверия к восхищению. Гордо фыркнула и пошла к выходу. На трапе остановилась. Выдохнула. «Вот и я, город мой, вот и я».

23. С улицы Бебеля

В самом центре Одессы, на бывшей улице Еврейской, а ныне имени товарища Августа Бебеля, я ползала на карачках по грязному коридору коммуналки и мыла полы. Ясное дело, что в мои планы данное мероприятие не входило, но общим собранием местной Вороньей слободки было постановлено, что, раз я живу тут уже больше трёх недель, то должна принимать участие в жизни местной коммуны. Да и не вежливо как-то было мне, двадцатилетней, спорить с тремя бабками.

Эта старая квартира в дореволюционном доходном доме с облупившейся лепниной и невероятными для меня пятиметровыми потолками была классикой жанра. Ни до, ни после не довелось мне пожить в таком густом замесе интриг и страстей. Мой приезд в Одессу внёс в более или менее устоявшуюся жизнь аборигенов ветерок свежих эмоций и разбредил старые, поутихшие было обиды.

Ну что ж, мне не трудно. Правда, орудовать шваброй я так и не научилась: то в углу не получалось толком промыть, то плинтус никак не отмывался. Поэтому я отложила деревянную швабру и стала мыть, как привыкла. Нужно было помыть два длинных коридора, кухню и, прости господи, туалет.

В самом конце первого коридора находилась комната Таньки. Ну, не Таньки, конечно, а Татьяны Николаевны. Она

была самой старой из местных бабок, ей катило уже под восемьдесят. Но Олька с Додиком, к которым я приехала в гости, называли своих бабок Танька, Манька и Любка. Между собой, естественно. Ну, и я туда же. Так вот Танька, как мне для общего понимания ситуации объяснил Додик, была москвичкой и яркой коммунисткой. У неё был взрослый сын, который жил в Москве. Когда-то, очень давно (когда никто из ныне живущих не помнил) она оказалась в Одессе, да так тут и осталась.

Бабуля, наверное, была из первых комсомолок: всегда суровая, с поджатыми губами и пронизывающим взглядом. И не захочешь, а почувствуешь себя контрой и второй раз вступишь в комсомол. Не знаю, общалась ли она с остальными бабками, но нас она своим вниманием не удостаивала. Она проносила мимо нас своё монументальное тело, вообще не поворачивая в нашу сторону свою седую, коротко стриженую под горшок голову.

Но в основном она почти безвылазно торчала в своей комнате, и, как зло острили соседи, писала на всех доносы. Может, и писала. А, может, и напраслина всё это. Мы не знали. Да и неинтересно никому это было. Живёт себе бабка, и живёт. Вроде, никого из местных на допросы не таскали, и слава богу.

Вот и сейчас, ползая с тряпкой под её дверь, я слышала шаркающие шаги, звяканье посуды, шуршание бумаги... Там происходила и проходила жизнь старой, забытой

всеми московской коммунистки, занесённой историческими ветрами в солнечную Одессу. Непонятная мне и загадочная жизнь.

Так... А вот и комната Маньки. Ну, строго говоря, ни Манькой, ни даже Марией она не была. Никого из живущих в коммуналке не интересовало её настоящее еврейское имя, а Манька и не настаивала. В случае крайней нужды обращались к ней по-простецки – тётя Маша, что для меня, церемонной и благовоспитанной алма-атинки, было как ножом по сердцу.

– Ша! – сказал мне Додик. – Оно тебе надо? Зови, как все зовут.

Маньки, как всегда, не было дома. Каждое утро, и зимой и летом, она прихорашивалась, насколько позволяли её необъятные габариты, и пропадала непонятно где до вечера. Опять же, я не заморачивалась, где прожигает свою жизнь толстая Манька. Мало ли, дети там, внуки... Но как-то раз ехали мы с Олькой в троллейбусе мимо Фонтана и вдруг она дёргает меня за рукав: – Смотри!

Ух ты! Ну, ни фиги себе! Прямо перед нами, метрах в пятидесяти, на расстеленном на песке покрывале, под большим пляжным зонтом вальяжно устроилась наша Маня в окружении ещё трёх или четырёх таких же живописных еврейских старух. Она была в панамке, халат был спущен до трусов, а огромный белый сатиновый бюстгальтер, вызывающе обнимал её дородное тело. Бабульки самозабвенно резались

в карты.

– Что это?

– Это преф. Маня наша так себе деньжат подзарабатывает.

– Так вот где она пропадает постоянно! А я-то думала, к внукам мотается.

– Нет, одинокая она. В войну всех похоронила... А так и доход, и развлечение.

...Так, ползу дальше. Туалет. Ну, тут всё просто. С суровыми старухами не забалуешь, поэтому туалет в коммуне был, пожалуй, самым чистым местом. Уж сколько собраний было проведено и постановлений вынесено, я не знаю, но, несмотря на присутствие двух молодых шалопаев, Додика и Сашки, туалет всегда блистал чистотой. Я быстро помыла унитаз, прошлась по полу и продолжила мыть коридор.

Так... Сашка... Сашка был старше нас с Олей года на три. Симпатичный, улыбчивый, тёмноволосый, невысокий, с золотой фиксой во рту, что вводило меня в оторопь, у себя, в родной Феодосии он серьёзно занимался гимнастикой. После армии он не захотел возвращаться в свой сонный городок, и рванул прямиком в Одессу. Устроился работать таксистом и как-то ухитрился заполучить комнату в нашей коммуналке. Ну, комнатой это назвать было сложно. Эта каморка когда-то, при дюке де Ришелье, была чуланом за кухней, два метра на три. Думаю, не больше.

Меня вообще поражала в Одессе приспособляемость народа к местам обитания. Мне бы и в голову не пришло,

что можно жить, например, в каморке над старым кинотеатром. Чтобы туда попасть, надо было с акробатической ловкостью подняться по расшатанной железной пожарной лестнице примерно на уровень третьего этажа. А там жил какой-то молодой человек, Додькин знакомый. Интересно, как он водил туда девушек?

Итак, Сашка. В его комнатуле кое-как умещались топчан, журнальный столик и пара табуреток. Пальто и костюмы висели на плечиках над топчаном, постельное белье – в чемодане, а самый минимум посуды жался к ножкам столика. На одной из табуреток был торжественно водружён сверкающий немецкий магнитофон "Грюндиг", главное Сашкино сокровище. Окон нет, теснота жуткая. Так Сашка умудрился привести себе ещё и женщину!

Женщину звали Валентиной. Она была полу-цыганкой-полу-гречанкой из Измаила, такой же, как и Сашка, неприкаянной, но отчаянной искательницей лучшей доли. Жгучая, страстная брюнетка с уже пробивающимися усиками над верхней губой. Она работала не то официанткой, не то продавщицей, и таскала прельстившемуся Сашке разнообразную еду.

Как-то вечером мы с Ольгой жарили на кухне котлеты. И вдруг окрестности коммуналки огласили страстные Валины завывания. Все застыли. Потом бабки как-то тут же незаметно рассосались по своим комнатам, а мы с Ольгой, не имея возможности бросить недожаренные котлеты, вынуж-

дены были, тихо хихикая, слушать разнообразные охи и ахи ещё минут пять. Потом всё смолкло и появился сияющий Сашка, а за ним совершенно невозмутимая Валентина. Не знали они, что ли, что кухню от Сашкиного чуланчика отделяет в лучшем случае фанерка, или это была своего рода фронда? Кто знает? Но неловко было нам, а эти двое были вполне счастливы и довольны. Всё время подмывало спросить Валентину: что, и правда Сашка такой половой гигант или она разыгрывала спектакль?

Итак, я уже на кухне. М-да, кухня – это страшное дело. Ничего ужаснее мне видеть не довелось. Несмотря на немалые размеры, развернуться там было почти негде: всё пространство по периметру было заставлено кучей разнокалиберных столов по количеству жильцов, и двумя газовыми плитами. Окно выходило во внутренний двор-колодец, ничем не примечательный, кроме вечно болтающегося на верёвках белья и огромного количества кошек. Но в Одессе кошки были везде. Ясное дело – южный приморский город, кошкам раздолье. Дверь чёрного хода заколочена и заставлена одним из столов. В нише скромно притулилась раковина с ржавым краном. С водой вообще в Одессе швах. В центре о горячей воде никто и не вспоминал, а холодная вода шла с перебоями. Над раковиной штукатурка на потолке обвалилась и там всё время шуршали мыши...

Однажды что-то мы с Ольгой в очередной раз готовили и вдруг на соседней газовой плите закипел чайник. Он сердито

что-то пробулькала и залил огонь. Я подскочила и выключила конфорку. Что было!!! Ольга зашипела на меня, схватила спички и снова включила огонь. Я оторопела: – Ты что?!

– А то, – продолжала шипеть Ольга. – Это чей чайник? Так, это Танькин чайник. Придёт, увидит, знаешь, какой канкан нам устроит?!

– За что? Мы же так все отравимся или взорвёмся!

– Не-ет, – Ольга назидательно подняла вверх указательный палец. – Мы сейчас уменьшим огонь, чтобы еле-еле горел, а она сама придёт и выключит.

– С ума сойти. А почему ты решила, что чайник Танькин? – я тоже перешла на шёпот.

– Так это её конфорка.

– Так что, мы не можем на ней готовить?

– Нет, ты что!? Скандал будет. И свет ты должна включать, когда на кухню заходишь.

– Даже когда там кто-нибудь есть и свет уже горит?

– Да, – Ольга вздохнула. – И попробуй не включить – шуму будет!.. Ты же видишь, тут у каждого свой выключатель, – она мотнула головой на стену. – И в коридоре. И в туалете.

Я кивнула, мол, да видела, но не думала, что всё это так принципиально.

Ольга сделала шаг в сторону коридора, вытянула шею и пропела дурным как у автобусной тётки голосом: – Татьяна Николаевна, ваш чайник кипит!

– Я поначалу, знаешь, как натерпелась, плакала постоян-

но, – Олька тихо продолжила шёпотом. – А сейчас ничего, тоже с ними ругаюсь...

...Так, снова коридор. Пятясь, сворачиваю направо. Осталось немного. Вот всегда закрытая комната. Здесь никто сейчас не живёт. Её хозяин – одесский делец, лет пятидесяти, Давид Исаакович. У него где-то шикарные апартаменты и молодая жена. Делать в этой коммуналке ему абсолютно нечего, но почему-то не продаёт её, бережёт зачем-то. Но как-то раз объявился здесь и жил неделю: не то от партнёров прятался, не то с женой поругался. Так бабки все по стеночке ходили. Уважали одесские бабки денежки.

...Так, ползём дальше. Любка... Любовь Моисеевна. Додиковская якобы мачеха. Когда-то давно, Додик ещё мальчишкой был, умерла его мать, и отцу сосватали хорошенькую, фигуристую молодую вдову Любу. У Додика был ещё старший брат, уже взрослый и женатый, поэтому отдельную прекрасную квартиру в центре города пришлось разменять. Потом отец умер, Любкины дети уехали в Америку и все свои квартиры продали, дружно забыв про маманю. И остались Додик с Любкой вдвоём в старой коммуналке. Можете себе представить, как они друг друга любили.

Бедная Любка жила за фальш стеной, разделяющей огромную комнату на две поменьше, но тоже немаленькие, и вынуждена была терпеть все наши сходки и маёвки, случавшиеся достаточно часто. Потому, что друзей у Додика было много. На следующий день она ходила с поджатыми губами

и ни с кем из нас не разговаривала.

– А шо такое? – громко возмущался Додик в воздух. – Пусть валит к своим деткам, в Штаты! Что, не зовут?

Любка зарабатывала стиркой фартуков и халатов, которые она каждый понедельник приволакивала с Привоза, с рыбных рядов. У неё было несколько кастрюль-выварок, которые она где-то прятала. А по понедельникам она начинала весь этот кошмар кипятить. Вонь стояла ужасная, но Любка каким-то таинственным образом сумела договориться со всей Вороньей слободкой и народ по понедельникам рассыпался, кто куда мог.

Ну вот и наша дверь. Всё, уборка окончена. Все довольны, все смеются, а я пойду гулять по летней Одессе.

...Давно это было. Коммуналка опять стала шикарной отдельной квартирой, улица имени товарища Августа Бебеля опять стала Еврейской. А из жильцов моей любимой коммуналки живых не осталось никого.

24. Привоз («осколки» с улицы Бебеля-2)

– Не хочу вас расстраивать, Софочка, но евреев в Одессе почти не осталось... – произнесла горестным контральто ветхая, но всё равно красивая, умело накрашенная старуха.

– Таки да, – грустно кивала головой пышная, вся в рюшечках, Софочка.

Они сидели напротив меня под самодельным больничным плакатом, на котором была нарисована, видимо, бледная спирохета, пронзённая как шпагой шприцем. Вверху было красной тушью написано: «Сифилису – нет!»

Я вздрогнула и осмотрелась по сторонам. Районная одесская поликлиника, куда меня притащила Ольга перед тем, как нам пойти на Привоз, была битком набита еврейскими бабулями и дедулями, с внуками и без. А я как раз перед этим разглядывала соседей и думала, что никогда раньше не видела столько евреев разом. А тут такое...

– Слушай, а почему бабки в поликлинике говорят, что евреев в Одессе не осталось? Они же везде, – спросила я Ольгу, когда мы вышли на улицу.

– А я знаю? Они всегда так говорят. И Додик со своими дружками тоже постоянно стонут, что евреев не осталось, что все в Штаты и Израиль свалили.

– Странно, что же тут было, когда они все оставались?

– Не слушай ты этих одесситов, это присказка у них такая.

Как у англичан про погоду.

Мы шли к Привозу по улице имени Советской Армии. Шли, взявшись за руки, иначе толпа туристов разметала бы нас в разные стороны. Все всегда говорят: Дерибасовская, Дерибасовская, а я была шокирована именно улицей Советской Армии. Здесь всегда было не протолкнуться из-за толпы празднующихся весёлых мужчин и женщин, по-бродуновски гуляющих в разные стороны. С обеих сторон было понатыкано огромное количество лотков с сувенирами, мороженым, напитками, фруктами, книгами и далее по списку. Между ними сновали шустрые фотографы, выхватывающие из толпы, кого придётся.

– Девочки, девочки, постойте! – выскакивал нам наперерез фотограф, показывая маленький кадрик: – Смотрите, какие вы лялечки получились. Давайте адрес, я завтра вам сделаю красиво.

– Ва, опять! Задолбали! – закатывала глаза Олька, а я рассматривала кадр, пытаюсь разглядеть хоть что-то:

– Ой, Олька, у тебя глаза закрыты!

– Таки да... А у тебя рот открыт. Не, не надо.

Мы двигались дальше, пока не натыкались на верёвку с привязанными к ней красными, почти выгоревшими на солнце ленточками. Толпа плавно перетекала на проезжую часть, обходя запрещённые метры, потому, что сверху в лю-

бую минуту на тротуар мог упасть шмат штукатурки.

– Годами так висят, только веревки меняют. Забота о людях, – съехидничала Олька. – Наверх посмотри. Я это называю «Эта опасная дверь на балкон». Помнишь, фильм такой был?

Я глянула вверх. На втором этаже красовался балкон без пола, но с витыми чугунными перилами. Давно, видно, разрушался. И таких веревочек по центру города было великое множество. Красивая и яркая, как всё в Одессе, обветшалость.

Привоз меня ничем не поразил. Он напомнил мне наш Зелёный, только больше раза в три. Такой же шумный, пыльный и разноцветный. Вместо корейцев торговали своей чурчхелой усатые грузины, а вместо казашек за прилавками восседали весёлые красавицы-Солохи в расписных, по-особому завязанных, платках и в вышиванках.

– Так, – хмурилась Олька. – Нам надо купить лук, свёклу, помидор и синеньких.

Слово «синеньких» она произнесла очень многозначительно, явно рассчитывая на мою реакцию. Естественно, я отреагировала: – Каких таких синеньких?

– А вот! – она гордо ткнула в горку баклажанов.

– Вам синеньких, девчата? – запела торговка. – Сколько? Два? Три? Пять кило?

– Чё это, синенькие? Тогда уже фиолетовенькие! – я сощурилась.

– Сиреневенькие! – отозвалась Оля. – Та на шо нам пять? Два кило. Нам ещё вон сколько тащить.

– Не спорьте, девоньки, – опять пропела тётка. – Синенькие они и есть синенькие...

Когда отошли от овощных прилавков, меня вдруг осенило:

– Оля! А кефаль? А бычки? Что же, была в Одессе, а бычков не попробовала?

– Господи, какие бычки? Бички надо говорить. Ты, что ли, «Белеет парус одинокий» вспомнила? Так забудь. "Хочется-перехочется-перетерпится", – ехидно процитировала Оля Катаева. – Бички ещё до революции кончились. Их даже Додик с трудом помнит, а я так и не пробовала вообще. Нету в Одессе рыбы, не-ту.

– А Любка какие фартуки с каких рыбных рядов стирает? – вспомнила я соседку по коммуналке.

– Так кто ж её знает? Фартуки у Любки есть, а рыбы в Одессе нет.

Так, весело переругиваясь, мы дотащились до трамвайной остановки, я глянула на табличку с номерами трамваев и аж подпрыгнула:

– Десятый номер! Оля! Десятый номер!

– Но он же до дома не идёт, нам другой трамвай надо.

– Оля! Десятый номер! – я от восторга больше не могла ничего произнести.

– Так, господи ты, боже ж мой, – печально сказала Оль-

га. – Теперь «Золотой телёнок». Так можно вообще до дома не доехать. – Она немного помолчала, а потом, хитро сощурилась, сказала: – Ладно, проедем пару остановок, но ты тогда должна будешь в трамвае спеть эту песенку.

Олька любила такие розыгрыши. Если, поспорив на что-то, я ей проигрывала, она могла меня изошрённо заставить спеть битловскую «Girl» на японском или ещё какую глупость совершить в таком же роде.

– Ну, решайся, вон десятка идёт.

Я зажмурилась и кивнула: а, была-не была!

Мы заскочили в салон и встали у кабины вагоновожатого. Вагон был полупустым. Люди сидели на скамьях и задумчиво смотрели на дорогу. Олька сурово сверлила меня взглядом, а я в ужасе переводила глаза с людей на водителя. Потом подумала: «Ну, я же, в Одессе, здесь поймут!» Подошла к водителю:

– Здравствуйте...

– Добрый день, – хмуро буркнул вагоновожатый, мельком глянув на меня.

И я зашептала:

– Шёл трамвай десятый номер...

Вожатый с интересом посмотрел на меня, и я продолжила уже погромче:

– На площадке кто-то помер...

Водитель взял микрофон и тоже запел: – Тянут-тянут мертвеца. Ламца-дрица, ца-ца!

Стал подтягиваться народ:

– Подъехала карета. А в карете места нету...

И все вместе затанули:

А в карете той маца!

Ламца-дрица, ца-ца!

Дальше пошёл припев. Все пели, танцевали и радовались бог знает чему. Ольга стояла в сторонке, довольная произведённым эффектом.

Так весело мы проехали две остановки, выскочили из трамвая под разноголосое пение, раздавая по дороге воздушные поцелуи, и уже на улице сделали книксены, а трамвай ответил нам смехом и весёлым звонком.

Мы подхватили свои синенькие, красненькие и жёлтенькие овощи и, радуясь жизни, как в детстве, поскакали по тротуару.

...Ах, Одесса!

25. «Осколки» с улицы бебеля-3

« Ну, так что ж...»

– Не, Оль, ну ты сказала! Что, вообще ни с кем не разговаривать? Просто идти молча? А если спросят, который час? – возразила я, игриво помахав на прощание ручкой двум ребятам-грузинам, с которыми летела в самолёте.

– Послушай, дорогая, ты в Одессе. Это тебе не Алма-Ата. Здесь народ в смысле знакомств на улице суровый. Замучаешься убежать, – Оля внимательно проследила взглядом за моей рукой.

– Вообще забавно, – надулась я. – Только успела прилететь, ещё города не видела, а уже ограничения.

– Ну, так что ж... – сурово сказала Олька.

Но она явно перестраховалась. Одесситы мужеского пола были все весёлыми и галантными: заигрывали в меру и в меру отвечивали комплименты. Всё как везде.

Вот и в тот выходной день, когда Додик с Ольгой вывели меня на прогулку, всё начиналось весело и безопасно. Мы прошлись по Приморскому бульвару, Додик чинно, под ручку провёл меня мимо старой пушки, которая, по легенде стреляет только в том случае, если мимо пройдёт невинная девушка. Со мной не случилось. Просто ядер в пушке не было...

Затем, отдав дань памяти Куприну, спустились в «Гам-

бринус». Там было темно и накурено, пахло пивом и рыбой, но скрипка «Сашки-музыканта» свой концерт ещё не начала, поэтому книжная знаменитость выглядела обычной забегаловкой со множеством столов-бочек вдоль длинного помещения. Мест не было. «Да тут отродясь нет мест!» – фыркнула Олька.

Не попали, и не надо, но очередную засечку в своей голове я сделала: «Посетила «Гамбринус».

Потом решили спуститься по Потёмкинской лестнице, покрутились в порту и перед нами встал вопрос, как подняться обратно. Я, естественно, героически желала пройти все двести ступенек самостоятельно, Олька вздохнула и согласилась. А вот Додик, поглаживая наметившееся брюшко, надменно возразил: «Ну, это вы, пришлые, топайте по лестнице, как в кино у Эйзенштейна, а я уж как-нибудь на фуникулёре доберусь».

...Помню, как где-то среди акаций, каштанов и архитектурных достопримечательностей мне бросился в глаза высокий и печальный остов какого-то готического здания, нелепо чернеющий на фоне синего неба.

– Это немецкая кирха, – ответил Додик на мой немой вопрос.

– Так она же сгоревшая! А почему не ремонтируют?

– Ремонтируют, – Додик смотрел куда-то в сторону. – Уже много раз ремонтировали... А её опять кто-то сжигает.

Да уж, сколько лет прошло, а войну в Одессе помнят...

Куранты на здании не то горкома партии, не то облисполкома сыграли гимн «Одесса, мой город родной!» и пробили семь раз.

– Так девоньки мои, – торжественно произнёс Додик. – Находились вы у меня на каблуках, проголодались поди. А поведу-ка я вас в ресторан!

– В «Украину» свою поведёт, – прошептала мне на ухо Олька. – Он там всю юность свою беспутную оставил. Но кабак неплохой, тебе интересно будет.

...Возле ресторана толпился алчущий народ. Додик ввинтился в толпу и стал обниматься со швейцаром, а мы, от делать нечего, оглядывали людей, окружающих ресторан. Там явно была компания, отмечающая какое-то торжество. Мужчины в отглаженных костюмах стояли группкой и не смешивались со своими спутницами. Они курили какие-то дорогие табаки и солидно похохатывали над собственными шутками. А вот женщины...

– Что же это одесситки такие безвкусные? Ну разве можно надевать на такие тела обтягивающие платья, да ещё и с рюшечками?

– Что есть, то есть, – выдохнула дым сигареты Олька. – Это местные матроны, у них принято так одеваться. А вот местные гетеры... Я отведу тебя как-нибудь вечером к гостинице Красной. Там ты сразу изменишь своё отношение к одесситкам.

– Ой, да я вас умоляю! – подскочил довольный Додик,

услышав хвост разговора. – Об чём речь? Вы у меня обе вон какие сегодня нарядные! Да мне все мужики в «Украине» обзавидуются. Двух таких интэрэсных чудачек подцепил!

Он с достоинством приобнял нас за талии и мы вошли в чрево ресторана.

Пройдя вестибюль, я сразу, совершенно не ожидаячи того, попала куда-то в НЭП, а то и раньше: в разгульную бабелевскую Одессу. Звон посуды и гул разговоров смешивался с оркестром, игравшим «Жемчужину у моря», между столиками с белыми накрахмаленными скатертями, сновали, как мне показалось, набриолиненные официанты, возле эстрады чудно размахивая руками, пытались делать па полупьяненькие посетители. Огромные окна были наполовину занавешены белыми шторами-маркизами, стены были обиты шикарными дубовыми панелями, а на всех мало-мальски свободных пространствах стояли фикусы и разлапистые пальмы. Этот невозможный антураж произвёл на меня сногшибательный эффект

Я, крепко ухватившись за руку Додика, плыла между духами и туманами к нашему столику. И только плюхнувшись на стул, поняла, как я устала и как голодна.

Додик с Олькой, склонившись над меню, шушукались о чём-то с усатеньким официантом Мариком в белой манишке и бабочке. А я, передоверив им выбор блюд, продолжала ошарашено оглядывать неожиданный для меня дореволюционный шик.

Вокруг постоянно игриво мелькали солнечные зайчики. Я проследила за одним из них и вспомнила слова Джона Леннона: «Женщины могут потрясти бриллиантами». М-да, женщины действительно были увешаны драгоценностями в товарном количестве. Было впечатление, что они на выход в ресторан просто опустошили свои шкатулки. Они, не слишком изящно поводя головами с огромными, оттягивающими уши серьгами, томно проводили пухлыми пальцами с десятью кольцами от шеи до груди, где красовались великолепные и не очень кольца и броши. Мужчины тоже были увешаны золотыми перстнями, запонками и булавками для галстуков. Рядом гордо лежали портсигары с вензелями. Всё это сверкало, переливалось и горланило о достоинствах и приоритетах их хозяев. Это роскошество, десятикратно умножалось в ярких огромных люстрах, и производило эффект дурного, но весёлого праздника.

Официант принёс нам овощной салат, знаменитую одесскую воду "Куяльник" и бутылку сухого вина. Я набросилась на несчастные помидоры, как будто не ела шесть дней. Потом вытянула уставшие от хождения по каменным мостовым ноги и стала потихоньку цедить какое-то незнакомое мне, но вкусное вино.

Оркестр заиграл «Голубку».

Господи, чудо-то какое, – расслабленно подумала я. – Когда же я это красивое старьё в последний раз слышала?

Прикрыв глаза, я вслед за певицей мурлыкала: "Где бы

ты ни был, всюду к тебе, мой милый, я прилечу голубкою сизокрылой"...

И тут передо мной выросла мужская фигура: – Разрешите?

Это был высокий и поджарый, одетый в синий добротный костюм мужчина. Он был бы даже красивым, если бы его улыбка была не такой золотой, а перстни на руках не были наколоты.

– Да, но... Извините... Мне бы поесть... – я слегка растерялась.

Честное пионерское, я бы пошла танцевать с ним, я точно не снобка, но хотя бы через полчаса. Чуть-чуть бы отдохнула, перекусила и пошла бы...

Но я очень устала и хотела есть...

Желваки заиграли на лице кавалера. Он по-военному повернулся на сто восемьдесят градусов и чеканным шагом пошёл куда-то мимо эстрады, за свой столик.

Я продолжила жевать помидоры, но тут почувствовала какую-то гнетущую тишину за столом. Додик с Олькой сидели как два истукана, испепеляя меня взглядами.

– Я что-то не так сделала?

– Что-то ж я ничего не понял. Что за мансы ты тут устроила? Ты что, ему отказала?! – Додик пошёл пятнами.

– Додик, я устала, я есть хочу, – заныла я. – Я же ничего плохого не сделала!

Песня кончилась, люди разошлись за столы, и тут передо

мною вырос мой кавалер с тарелкой в руках:

– На! Жри! – он вывалил из своей тарелки в мой недо-
еденный салат три огромных ростбифа. Они шмякнулись на
помидоры со зловещим причпокиванием. Как в замедлен-
ной съёмке на мое красивое платье полетели красные соле-
ные брызги. Я не успела толком ничего понять и хоть как-
то отреагировать, как мой несостоявшийся партнёр по тан-
цам опять сделал крутой разворот и, чеканя шаг, удалился к
своему столику.

Додик проследил за ним: – Так... Их там пятеро... Оно
мне надо?

Он жестом позвал официанта Марика, сунул ему деньги
и что-то прошептал на ухо. Тот кивнул и отошёл. За столом
воцарилось молчание. Я пыталась о чём-то говорить, но ре-
бята насупленно сидели молча.

Оркестр задорно заиграл про лимончики, уже пьяненький
народ лихо ломанулся в пляс, перекрыв нас от блатной ком-
пании. Марик кивнул и Додик скомандовал: – Молча, без
паники, за мной!

И мы побежали мимо столиков и фикусов, через кухню
куда-то в темный двор.

Долго бежали какими-то закоулками, то замедляясь, то
снова убыстряя бег. Минут через десять встали отдышаться.

– Додик, я же ничего не сделала, только вошла... – я и
вправду не могла взять в толк, в чём моя вина.

– Ишь, расфуфырились обе...

– Додик! – вступилась Олька.

– Ша! Я как последний поц должен убежать от блатных огородами... Это ни в один тухес не лезет! НА тебе, такое выкинуть! Станцевать она не может... И я, как шлимазл, один, с двумя дурами... Это же вор был, вор в законе! Станцевал бы тебя и обратно с почётом вернул, – Додик от злости совсем перешёл на одесский русский.

Мы с Олькой не стали выслушивать всё, что он о нас думает и тихо пошли вперёд.

– Дома осталась половина курицы, – пробормотала Ольга. – Разогреем её, помидоры порежем. Надо его успокоить. Голодный еврей – хуже татарина.

...На кухне, разогревая курицу и нарезая помидоры, я опять затянула волюнку:

– Оля, что не так я сделала?

– Я тебя предупреждала? Я тебе говорила, чтобы молчала, когда пристают?

– В смысле? Молча встала, молча потанцевала, так что ли? А если бы он меня на свою малину уволок?!

– Ну, так что ж! – с вызовом сказала Олька, продолжая зло резать помидоры

26. Звоните, ежели чего...

Ну да, люди ошибаются. И вообще, и когда звонят куда-нибудь. С кем не бывает? Но несколько раз подряд!.. Я уже не стала отходить от телефона и сидела рядом, нервно постукивая несуществующим маникюром по верхней губе. Так лучше вспоминались все люди и ситуации, из-за которых кто-то мог молчать в трубку.

Ну вот, опять! На этот раз на том конце провода послышалось возмущённое сопение и трубку опять бросили. Судя по почти рычанию, я поняла, что это мужчина, очень недовольный и грозный мужчина. Ну-с, подождём!

Ждать пришлось недолго, и наконец голос прорезался:

– Простите, – произнёс хорошо поставленный баритон, – но там, куда я звоню, не должно быть женщин!

Тут уж пришла очередь возмутиться мне: – Что значит – не должно? И должно, можно! А вот мужчин здесь нет! Нету у меня для вас тут мужчин! И вообще, набирайте номер внимательнее!

Бросила трубку. Надеюсь, инцидент исчерпан. Но через пару минут звонок раздался снова.

– Да! – рявкнула я.

Голос на той стороне походил на мурлыканье льва: – Девушка, дорогая, послушайте меня, пожалуйста. Дело в том, что я звоню домой, к себе домой, а там не должно быть жен-

щин...

– Я сочувствую вам, но... попадаете вы ко мне домой, где не должно быть мужчин.

– Так я и звоню к себе домой, уже какой раз, а попадаю к вам, – голос включил мягкие, мурлыкающие обертоны. – Понимаете, жена уехала в командировку, а сын, оболтус шестнадцатилетний, должен как раз явиться со школы. Я звоню узнать, как у него дела, а трубку берёте вы...

– Странно...

– Странно...

– Ну, попробуйте ещё раз. Может, пробьёт?

Звонок раздался бодрый и наглый: – Алло?..

– Меня Сергеем Ивановичем зовут, – тональность была совсем минорной. – А вас?

– Ну что ж теперь, давайте знакомиться. Лена я.

– Знаете что! А дайте мне ваш номер телефона, – опять ласково замурлыкал уже небезымянный голос. – Вдруг я по нему к себе домой попаду?

– Забавно! 29-11-82.

– Господи, «Орбита», что ли? Как это возможно?

Через несколько секунд опять раздался звонок:

– Это судьба, – попыталась пошутить я.

– Какая судьба! – Сергей Иванович опять включил рык. – Я не понимаю, что происходит! Я не знаю, где мой сын, что творится у меня дома! А вы шутите!

– Слушайте, я вам не звонила, и к вам не приставала! –

начала обижаться я. – Кстати, а давайте я вам домой позвоню. Как сына-то зовут?

– Игорь... Телефон 33–45- 77...

– Надо же, – удивилась я. – Ни одной совпадающей цифры. Как такое возможно? Ладно, пробую.

Из трубки раздался весёлый юношеский голос.

– Вы Игорь? – всё ещё сомневаясь, спросила я и, получив утвердительный ответ, затараторила: – Вы только не удивляйтесь, пожалуйста, и не спрашивайте меня ни о чём. Просто позвоните сейчас на работу своему папе. Только прямо сейчас. Он вам всё объяснит.

А про себя подумала: «надеюсь»...

Звонок раздался минут через пять. Все созвонились, всё прояснилось.

– Спасибо вам, выручили, – смеясь, мурлыкнул Сергей Иванович своим красивым баритоном.

– Да не за что, – отозвалась я. – Но ежели чего – звоните...

27. Мальчик Сашенька, мальчик Пашенька...

– Да, мама, да...

– Нет, уж ты выслушай меня! Ты замуж выходила, знала, что делала? Ты ребёнка родила, понимала, как жить? А теперь ты передумала!?

– Но мама, я...

– Так. Люда, тьфу! Лариса! Тьфу! Лена! Она, видите ли, разводится! Ответь, как ты жить собираешься?! На что!? Комму ты нужна, а? Да ещё и с ребёнком!..

– Подъезды мыть пойду! – запищала я.

– Что?! – послышался мамин рык.

Я отодвинула трубку от уха и уткнулась взглядом в телевизор.

– Холод... грязь... подъезды она пойдёт мыть... воспаленные лёгких... менингит... – доносились до меня отдельные восклицания из трубки. Потом стало тише. Бушующий вал сменился ровным гулом. Я поднесла трубку к уху:

– В общем, думай. Всё, я всё сказала, – послышались телефонные гудки и я просто физически услышала, как грохнулась трубка об аппарат. «О, мама...»

Я перевела взгляд на манеж. Надежда уже спала.

– М-да, – подумала я. – Может, и в самом деле поторопи-

лась? Может, потерпеть ещё его закидоны? И в самом деле, никто ведь не гнал замуж? А то менингит, воспаление лёгких...

Телефонный звонок снова взорвал тишину. Я судорожно схватила трубку и зашипела:

– Ну, что ещё!? Надьку разбудишь...

– Ох, извините, – раздался незнакомый женский голос. – Я не хотела никого будить, время, вроде, ещё не позднее...

– Вы, видимо, ошиблись номером.

– Нет, нет! Выслушайте, пожалуйста, меня. Вы в «Орбите», судя по номеру, живёте?

– Ну да, в первой.

– Не кладите трубку! Понимаете, я из больницы звоню, из детской... Тут в соседней палате мальчик лежит, Сашенька. Он выпил тормозную жидкость, так медсестра сказала... Он умирает и всё время маму зовёт... А никого рядом нет. Он один... – голос всхлипнул. – Понимаете, ему пять лет, он умирает, а рядом нет никого!..

– Как это, умирает?.. А где врачи?

– Да все тут. И врачи, и медсёстры. И мы, которые со своими детьми тут лежат – рядом с ним. Но мы не мама, а он маму зовёт...

– А я? Я-то чем могу помочь?

– Дело в том, что я адрес узнала: семнадцатый дом в первой Орбите, квартира 26. А телефона нет там. Ну, я и решила звонить на телефоны, которые начинаются на 29... Ну, те,

что в «Орбите». Вот, повезло... можно сказать...

– Ужас какой! Я не знаю, где семнадцатый дом, но, наверное, где-то рядом, я поищу. Сейчас оденусь и схожу.

– Ой, вот спасибо! Это первая детская больница, – женщина опять всхлипнула. – Ну, мать его, наверное, знает...

Я быстро оделась: «Так, Надежда спит, телевизор потихоньку работает. Оставлю свет в коридоре. Думаю, семнадцатый дом где-то рядом, быстро обернусь».

На улице был, естественно, собачий холод. А чего ещё ждать-то, в декабре? Всё, что за день подтаяло, уже подморозило, и я в темноте наступала то на асфальт, то в лужи, то на чистый лёд.

Вроде, и не поздно ещё, а на улице нет ни души.

– Эй, души, где вы? – подумала я. Мимо пробежала собака. – Вот и живая душа...

Я пробежала свой дом, следующий, и уткнулась взглядом в большую цифру «17», накарябанную красной краской почти на уровне второго этажа. По гололёду спускаться между домами было тяжело, и я семенила по краешку тротуара, хватаясь за ветки кустов.

«Так, какой подъезд – второй, третий?» Тусклая лампочка над подъездом высветила табличку. Здесь!

Света на первом этаже не было, лампочка горела только на втором. И этот слабый луч падал на крышку гроба, приставленную к стене.

– Как же это?.. Что же это?.. – я на негнущихся ногах под-

нялась на шесть ступенек и увидела слева тонкий луч света, пробивающийся из-за двери.

В голове стучало: «Маль-чик Са-шень-ка... как же это? Он же живой!»

Опустив глаза, я проскочила мимо, и потянула за ручку.

В нос ударил кисленький запах браги. Он, как ладан в церкви, обволакивал людей, сидящих в комнате на разнокалиберных стульях. Руки их были сложены на коленях, такие большие серые натруженные руки. Они все, как по команде, повернули головы в мою сторону.

Я подошла к комнате:

– Здра... – в центре пустой комнаты, тоже на разных табуретках, стоял гроб.

Маленький гроб. Мне от косяка был виден только острый детский нос. – встуйте...

Сзади раздался мужской голос: – Здравствуйте. Вы к кому?

Я обернулась. Мужчина, видимо, вышел из кухни. Он без выражения смотрел на меня. Он тоже был весь серый: серое лицо, серая рубашка, серые волосы... «Господи, сюр какой-то! Куда меня занесло?»

– Я ищу маму Саши...

Как-то из ниоткуда появилась женщина в сером, с чёрной косынкой на голове. Она подошла и молча встала напротив. Серые глаза не выражали ничего: ни горя, ни печали, даже вопроса я в них не увидела.

– Там, в больнице ваш сын, Саша... Он умирает... Он зовёт вас. Надо успеть.

– А мы вот Пашеньку, сыночка, хороним, – на меня пахнуло бражным ароматом.

Я постояла ещё какое-то время, ожидая реакции.

– Да это я, дурак старый, забыл в коридоре банку с торозной жидкостью. Ну, пацаны и... выпили...

– Ну, я пойду? Мне домой надо...

– Выпьете с нами? – галантно спросил мужчина.

– А? Нет-нет, спасибо, – я попятилась и выскочила из квартиры.

Быстрее, быстрее, мимо крышки маленького гроба, мимо дома с корявой надписью, мимо собаки... По лужам, по асфальту, по гололёду, только подальше отсюда.

А в голове стучало: «Маль-чик Сашень-ка... Маль-чик Пашенька...» И вдруг без всякой взаимосвязи и логики: «Раз-ве-дусь!»

28. С кружкой по жизни

Ну, вот опять Стас уволок куда-то кружку. Ну что за ма-
нера у человека? Знает же, что я пью воду только из этой
кружки много лет. Хм, лет... Всю жизнь... Она всегда стоя-
ла слева от кухонного крана. Она не могла там не стоять. Я
не обращала на нее никакого внимания. Это была данность.
Я могла появиться на свет только в том случае, если рядом,
слева от крана на кухне стояла железная солдатская круж-
ка. Я просто не знала об этом... пока не умер папа. Придя
к маме через какое-то время после похорон, я, протянув по
привычке руку к кружке, обнаружила там какое-то фарфо-
ровое создание, фитюльку, пустышку бабочку-однодневку.
Я застыла с поднятой рукой: Мама! Где кружка? – Да я её
убрала, она такая страшная! – Где она? Отдай её мне!

Теперь она стоит у меня на кухне, слева от крана. Я не
знаю, когда она появилась у отца. Вряд ли она прошла с ним
войны и лагеря. Это просто привычка довоенного ещё маль-
чишки. Кружку бабушка ставила, наверное, рядом с ведром
с водой. И все пили из неё. Её не боялись разбить, потерять,
ведь это всего-навсего железная кружка. Потом были армия,
фронт, и там тоже пили из железных кружек. Потом Лубянка
и Степлаг. Из чего ещё могли там пить воду люди?

Привычка. Просто привычка. И я не знала, даже не дога-
дывалась, что эта кружка будет так дорога мне.

Странная штука – память...

Странная.

29. Оля

Сегодня Оле 65. Было бы. Но её уже больше десяти лет как нет в живых. Точнее не знаю. Да и узнала случайно, лет через пять после её смерти. Она пыталась найти меня перед смертью, но... Я была слишком обижена, чтобы выслушать. Так бывает, вы ведь знаете... Я каким-то дурацким боком была втянута в разборки двух сестёр и оказалась виноватой. Получила ото всех. А потом, даже через годы, не простила, не смогла...

А ведь были – не разлей вода, всюду и всегда вместе, даже ночевали постоянно друг у друга: всё не могли наговориться.

Она была очень хорошенькой: огромные голубые глаза, милые каштановые кудряшки. Ангел. А характер был жёсткий, суровый. Очень закрытый она была человек, мало кто её знал и понимал. Даже наша классная руководительница попросила меня самой написать Ольке школьную характеристику: честно призналась, что так и не смогла её за все годы понять.

А Оля была натуральным тихим чертёнком, и постоянно подбивала меня на мелкое хулиганство, прогулы уроков, идиотские весёлые каверзы. Потом учителя, отчитывая нас, не сомневаясь, утверждали: «Зачинщица Пачинцева, Романтеева не могла!» Ха! Ещё как могла! Это вы её не знали!

После школы она уехала учиться в Одессу, на художника.

Так там и осталась. Вышла замуж за одессита в двадцать пятом поколении, родила дочку, училась, работала, постоянно приезжала к родителям, а я часто гостила у неё в Одессе.

Так бы всё и продолжалось, не случись та дурацкая ссора. И мы не поговорили. Почему? Ведь всегда говорили! А тут отчитала меня и попросила больше никогда ей не звонить. Я открыла было рот, но услышала только короткие телефонные гудки из далёкой Одессы...

...Но мы ещё обязательно договорим. Пойдём в любимый скверик за «Целинным», сядем на нашу скамейку и всё обсудим. Как всегда. Да, Оля?

30. Небо в алмазах

Шестого июня 1962 года Борис шагнул на перрон из поезда «Воркута-Москва».

В голове навязчиво стучала песня, которую гоняли в поезде по радио при подъезде к Москве: «Здравствуй, столица, здравствуй Москва, здравствуй, московское небо!» Он поднял голову вверх. Там, высоко, плыли облака.

– Ну, здравствуй, столица! – попытался улыбнуться, но как-то не покатило, лишь жалкий оскал получился. Борис разозлился сам на себя: – Я домой вернулся! К бабушке! К брату! А не в этот город.

Он резко, как перед заплывом, выдохнул воздух и второй раз шагнул, уже совсем в Москву.

Народ с интересом оглядывал его наряд: брюки-дудочки, пиджак с накладными плечами, ботинки «на манке». Мда... Ну, хоть ботинки не жали, размер ноги остался тот же. А костюм, несмотря на всю гипертрофированную его зауженность, болтался на нём во все стороны. «Я – как кузнечик сейчас...» – грустно улыбнулся Борис и, для довершения картины своей полной нынешней нелепости, провёл рукой по едва отросшему ёжику на голове. «Главное, до Юрки доехать. Он что-нибудь на первое время подкинет, а потом сам куплю. Что там сейчас носят?» Стал приглядываться к проходящим мимо мужчинам и аж зажмурился: быстрее, быстрее,

рей доехать до Юрки, снять с себя этот жуткий маскарадный пиджак с еле заметными каплями крови на плечах и лацканах. А там – хоть в ватник, хоть в пижаму – лишь бы снять, забыть, не помнить...

– Ваши документики! – раздался голос сбоку. Милиционер щёгольски откозырял и протянул в ожидании руку.

«Ишь ты, какой славный мусорок! Ну, документы так документы». Борис протянул справку об освобождении.

– Я так прикидываю, вы лет десять назад сели? Судя по одежде.

– Так точно, гражданин начальник!

– Да ладно, чего уж там! Товарищ... – сержант козырнул ещё раз.

...Он шагнул в автобус и забился там в самый конец, в самый угол, чтобы как можно меньше людей видели его скороморшный наряд. Попытался согнуться, стать меньше, незаметнее, невидимее. Москва, любимый и ненавистный город, медленно проносился мимо, сверкая и звеня. Голова закружилась от суматошной кутерьмы машин и людей. Надо же! Совсем не замечал он этого раньше, тоже куда-то вечно опаздывал, раздавая обещания обязательно быть, непременно посетить и радостно отпраздновать.

Вот и Юркина остановка. Дом. Подъезд. Этаж. Дверь после короткого звонка радостно распахнулась и ему в живот ткнулась бабушка. Запричитала, засмеялась, заплакала – всё сразу.

– Бабуль, – тихонько оторвал её от пиджака Юра, – ну всё, всё. Тут ещё куча народу хочет поцеловаться.

И налетели на Бориса родственники радостные, целовали-обнимали, жали руку и хлопали по плечам. Последним подошёл дед Нил. Даже он приехал из Подмосковья обнять внука.

– Ты, кажись, Борька, ещё вымахал, совсем уже два метра! – гордо оглядел его дед.

– Да нет, деда, на баланде тюремной сильно не подрастёшь. Такой же остался, просто худой.

– Но такой же красивый, – пропела двоюродная сестра Лариса. – Сейчас новый французский актёр появился, Аленом Делоном зовут. Так вот, я каждый раз тебя вспоминала, как на его фильмы ходила. Темноволосый и синеглазый, как ты, Боренька. Я и подружкам в институте всем так и сказала!

– Вот как! И про то, где я нахожусь, тоже рассказала?

– Да ладно, Борь, чего ты? – потупилась Лариса.

– Да, я тоже фильм с Делоном видела, и тоже тебя вспоминала. Прямо копия. Так что не обижай мою дочку, – вступила в разговор отцовская младшая сестра Раиса. – Ты в институт-то будешь восстанавливаться? Сниматься надо, а то такая красота пропадает!

– Ладно вам, тётя Рая! Мне бы для начала оклематься, оглядеться, а там посмотрим.

– Так, – строго вступила в разговор Юркина жена Августина. – Пусть Борис примет душ и переоденется, а мы пока

за стол, – она подмигнула ему подведённым по моде глазом и увела галдящую родню к накрытому столу.

...Под душем было хорошо. Его посетило давно забытое чувство расслабленности и умиротворения. Совсем не хотелось выходить наружу, к людям. Ни к каким, даже к любимым родственникам.

– Эх! Красота-то какая! Хрусталь-серебро, цветочки-салфеточки! – Борис ввалился в комнату вихляющей походкой. – Августушка, ты, как была мамзелькой, так и осталась мадамкой. Уж и не знаю, с какой стороны к столу-то подходить.

Августина горделиво приподняла голову с аккуратным начёсом, стрельнула глазками и пропела:

– Да будет вам, Борис Тимофеевич. Всё мы помним из твоей бурной жизни, да и ты поди ничего не забыл. Знаешь, в какой руке нож держать.

– Борька, прекрати немедленно и садись рядом, – бабушка постучала по свободному стулу. – А как вилкой пользоваться, я тебе снова напомню, мне не привыкать.

За столом сидели весело. Настроение было хорошее, еда вкусная, спиртного много, но долго посидеть не удалось. Перебрал Раисин муж. Он нечленораздельно ругал власть и грозил куда-то кулаком. Его подхватили за руки и увели домой. Вскоре потянулись и оставшиеся, решили: пусть братья побудут вдвоём.

– У меня пока поживёшь. Освоишься немного, а потом

в мамину комнату на Хорошёвском переедешь. Я на работе с одним договорился: он новый холодильник покупает, а старый мне отдаст. Мама не захотела покупать, по старинке привыкла, а тебе тяжело будет без холодильника.

– Так хотел мать увидеть. Завтра съездим на кладбище?

– Да, на электричке быстро будет... – Юрий сменил тему. – Свитер-то у меня есть, а вот брюки... Чего худой-то такой? Это ж сколько тебя откармливать?

– Эт вряд ли, – нагнул голову Борис. – Туберкулёз у меня. Да не бойсь ты, не заражу. Закрытая форма. Пока...

Взгляд Юрия упёрся куда-то в Борькино плечо:

– А что врачи говорят?

– Ну, направление на лечение дали. Но не думаю, что долго протяну. Да не переживай ты! Может, и подлечат ещё. Время ещё есть. Я пока все дела не переделаю, помирать не собираюсь. Времени подумать было много. И для себя я решил, что главное – это найти могилу отца, – Борис схватился за голову. – Господи, могилы, могилы!.. Как же я раньше-то жил? Чем, а, Юрка? Девочки, рестораны, мечты о славе... А теперь – успеть бы могилы навестить. А там можно и самому...

– Эй, эй, ты чего? – Юра потряс его за плечи и быстро сменил тему. – Найти могилу отца – это правильно. Мне всё как-то не до этого было. Хотя и маме, и бабуле обещал. Но, сам понимаешь, семья, работа... – Глаза его загорелись. – А что? Давай вместе в Ленинград смотаемся. Я в военкомате

про захоронение узнавал. Может, и найдём, а, Борюсь?

– Конечно, отец рад будет. Только что я ему скажу? Что жизнь свою профукал? Пропил, прогулял, ногами продрыгал? А потом десять лет за чужую вину на Урале лес валил? Что зек я, зек откинувшийся?

В дверь, кутаясь в халат, заглянула Августина:

– Мальчики, не шумите, Олежку разбудите. И вообще, идите по койкам. Наговоритесь ещё.

– Ты иди, Августушка, мы не долго. Сейчас ещё по рюмочке и...

Выпили. Помолчали.

– Что значит, чужую вину? – Юрий упёрся взглядом прямо в лицо. – А кто ж тогда убил ту девчонку?

– Слушай, меня там не было. Я ж упился, как свинья. Игорёша виски у отца свистнул, ну, я и... Виски! Я ж это слово только слышал да в книжках иностранных читал! Забыл я, что сам просил шалаву эту, Любку Лакееву, приволоочь новенькую студенточку к Игорьку на дачу. А Игорёша сам на неё, на Зою эту, глаз положил. И давай в меня виски вливать, чтоб не мешался под ногами. Любка-то, куда денется? Подвинется, чего там? Сделает вид, что не поняла ничего. Актриса будущая! Ведь надежда у неё была войти в семью Нотиных. А там и слава, и деньги. Можно и Игорёшины закидоны потерпеть ради папиного лауреатства. Ведь две Ленинских премии, ордена, медали... Осип Нотин! Лучший поэт эпохи, любимец Сталина!

– Подожди, – Юрий помотал головой. – Я не понял. Она же на суде сказала, что с Игорем Нотиным в спальне на втором этаже была! Как же...

– А вот так же! Любаша девочка ещё та была! Одно слово – актриса. Какую комсомолку она из себя всегда изображала, какие отповеди она устраивала на собраниях провинившимся однокурсникам! Тогда забавно было на это смотреть. А потом, на суде было уже не смешно. Лучшая её роль получилась. «Синенькая юбочка, ленточка в косе»...

– Кто не знает Любочку? Любу знают все, – задумчиво подхватил Юра.

– Кто бы мог подумать, какие фортеля эта красотка на даче у Нотиных отчебучивала? А наутро, полуживая, шла на мастерство актера, и как ни в чём не бывало заламывала ручки: «Ах, мы услышим ангелов, ах, мы увидим небо в алмазах!» Бедный Чехов!

Борис аж соскочил со стула, изображая Любовь Лакееву, хитрую подружку своей беспутной юности, а теперь известную актрису кино.

– И ведь и тогда выкрутилась, даже из института не вылетела. Ну, правда, с такими способностями она с любым деканом да прокурором могла договориться.

– А вот Игорёша твой из института вылетел, хоть и шёл по делу лишь свидетелем, – Юрий задумчиво ковырял вилкой в холодце. – Папа-то его, лауреат всего, что только на свете бывает, все свои связи подключил, вытащил сыночка из ямы.

За счёт тебя, выходит...

– Ну, кто-то же убил Зою? Вот и заставили Любку на меня указать. Уж не знаю, чего ей там наговорили, а, может, просто пообещали не трогать, если соврёт, что была в спальне с Нотиным.

– А ты, выходит, был самый удачный вариант. Пьяный рядом с унитазом валялся с разбитой головой. Готовый насильник и убийца. А почему молчал?

– Я молчал!? Я доказывал, орал, приводил факты, какие мог. Но против меня был сам Нотин с орденами и медалями, с народной любовью. С адвокатами, следователями и свидетелями. Свидетелями, понимаешь? С Любкой Лакеевой и Игорьком Нотиным. Игорёшу папа защитил, а мой отец...

– Наш отец, Боря, нас раньше защитил, в сорок втором... Как смог...

– Да. Каждый защищает, как умеет. Как совесть подсказывает... Осип-то Матвеевич стрелнуться после этого хотел, да не дали. Отобрали ружьишко-то.

– Но он всё равно вскоре помер. Сам ли или сердечко не выдержало – кто знает? Москва долго слухами полнилась, особенно после фельетона Нариньяни в «Известиях». А Игорёша надолго пропал тогда из Москвы, позор свой где-то в Сибири пересиживал. Сейчас художник. Талантливый, говорят.

– Там вся семейка талантливая, но гнилая. На баб падкая. Так бывает. Уж чего кому господь отмерил. И мне отмерил

по его, божеским, понятиям. Сколько отмерил, тем и жив буду.

Братья обнялись, молча выпили и каждый пошёл в свою комнату. Юрий к жене, к сыну, в тепло и покой. А Борис – в чужую одинокую койку.

Он лежал с открытыми глазами и долго смотрел в ночное небо. Туда, где ангелы, где небо в алмазах...

31. Уж замуж невтерпёж

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд...

Борис Пастернак

– Ветер с моря дул, ветер с моря дул, нагонял беду... – тихо мурлыкала себе под нос Татьяна, разглядывая законченный этюд.

– Ну да, тут ты права. Погодка в Одессе в феврале аховая, – вздохнув, согласилась с ней однокурсница и подруга Юлия. – Хоть бы одним глазком снег увидеть. Всё ветер сдувает. – Она печально глянула за окно, вздохнула и нанесла последний мазок на холст. Затем потянулась и тоже тихо и жалобно затынула: – И сказал мне ты, и сказал мне ты: больше не приду, больше не приду... – она слегка призадумалась и вдруг выпалила: – Слушай, а пойдём сегодня на день рождения к одному Ноликовскому знакомому! Он тоже инженер, работает с Ноликом в одном отделе! Хороший мужичок, с мамой живёт, женат не был. Всё, как тебе надо, а?

Татьяна возмущённо дёрнула плечом и тряхнула гривой пшеничных волос, мол, вот ещё! Уже третий год у неё тянулся вялотекущий роман с курсантом Одесского лётного училища, сирийцем Самиром. Будущий лётчик и гордость сирийской армии происходил из небедной дамасской семьи, жил широко и приучил к тому же Татьяну. Он снял ей милую

квартирку недалеко от художественного училища, заваливал джинсами, дублёнками и другими модными и так необходимыми молодой девице вещичками, водил по шикарным ресторанам и забивал холодильник продуктами. Да и сам жил там же, насколько ему позволял полуказарменный устав. Так что, обоим это было вполне удобно.

Сама Таня прибыла на учёбу в Одессу из вечно заштатного городка между Киевом и Одессой. Про него почему-то никто никогда и ничего не знал, часто даже названия такого не слышали, хотя он гордо именовался областным центром. Город был милым, пыльным, но уж больно тихим, поэтому молодой и амбициозной будущей театральной художнице Татьяне совершенно не светило возвращение домой. Но и Одесса ей тоже не светила. Все большие и малые одесские театры, как и киностудия, были забиты художниками, гримёрами-пастижёрами, костюмерами и бутафорами под завязку. Через пару месяцев должно было состояться распределение, и куда кого пошлют, никто не знал. Страна большая, театров много. Особенно Татьяна боялась слова «север». А вдруг это будет Архангельск? Или Якутск!? От этих холодных названий Таня сама холодела и превращалась в Снегурочку.

А Самир замуж не звал. Он был нежен, внимателен, добр и щедр, но тему дальнейшего их совместного или отдельного существования тщательно избегал. Вот сейчас он вернётся из отпуска и этот вопрос Таня вынуждена будет ему задать. В принципе, можно было и не спрашивать. Всё и так

ясно. Но сделать это всё-таки было надо, потому что не задать этот вопрос было как-то не по-женски. Три года как-никак были вместе. Она не собиралась устраивать Самиру слёзных сцен, но поставить все точки над положенными буквами было необходимо. Да и интересно: что-то же он будет говорить.

Печально было двадцатилетней девушке возвращаться снова в полузабытую и полунищую жизнь без богатого восточного принца, но, что поделать, не судьба.

– Ну, так что, надумала? – спросила Юля. – Поехали, хотя бы развеешься.

И Татьяна согласно кивнула: а, собственно, почему нет? Почему обязательно ей дома сидеть? Они заскочили в трамвай и пристроились у заднего окна. Таня задумчиво смотрела на проплывающий мимо город:

– Уплывает, проплывает мимо. Скоро совсем уплывёт...

– Вот именно, – строго сказала Юля. – О чём ты только думаешь? Не заберёт тебя твой принц в свою Персию, забудь!

– Это не Персия, это Сирия, – привычно парировала Таня.

– Ой, да какая разница! Однофигственно. Я вообще не пойму, как вы с ним разговариваете? Он же ни бум-бум порусски, а ты – по-арабски! Как можно говорить о какой-то любви, не зная толком человека?

– Так он же уже давно в Союзе, немного научился...

На самом деле, это было слегка странновато и для самой Татьяны. Поулыбались друг другу на открытой террасе ка-

фе на Приморском бульваре, прошлись немного по городу, и как-то очень быстро оказались в незнакомой гостиничной койке. «Я тебя лублу» – вспомнила Таня перековерканные русские слова своего неожиданного любовника. Неправильно всё, конечно. Но она об этом мало задумывалась, ведь так удачно складывалась её жизнь в Одессе. Да и будущее рисовалось радужным. Поначалу.

Уже потом Таня сопоставила два и два и поняла, что кроме нескольких фраз про любовь и куда пойти, чтобы продолжить знакомство, её прекрасный принц по-русски ничего не знал и знать не стремился. Он и эти-то пару фраз или специально заранее выучил, или уже раньше использовал при знакомствах, но больше особо ни в чём не нуждался при общении с Татьяной. И её своему родному языку не учил, только определённым фразам. Усмехнулась. Печально, но теперь она это хорошо понимает...

– Маловато будет для любви-то. Вот познакомишься с Валерой, с его мамой... – донёсся Юлькин голос. – У него мировая мама, бывший косметолог. Они в Киеве жили, а потом Валеркин отец, заслуженный генерал умер, и они переехали сюда. Но вообще-то Руфина Николаевна хочет в Крыму поселиться. Она родом оттуда. Ну, в общем, сама всё увидишь. Приехали!

Девчонки выскочили из трамвая и тихонько пошли вдоль домов по улице имени какого-то неизвестного им академика. Татьяна тут раньше не бывала. Пересыпь. Старый одесский

район. Добротные строгие каменные дома смотрелись куда солиднее разудалых дворцов-красавцев на Дерибасовской и Пушкинской. От этих домов веяло покоем.

На звонок откликнулись сразу несколько голосов. В открытой двери появились две фигуры: пожилая женщина и тёмноволосый кучерявый молодой мужчина.

– Ах, Юлечка, здгавствуй! А Нолик с Валегиком уже полчаса как дома. А это что за кгасавица с тобой? Валегик, по-смоги, какая кгасавица! Пгоходите, пгоходите!

Молодой человек галантно помог снять пальто, придерживая ногой непонятно что делающий в прихожей гоночный велосипед. Валерий проследил за её взглядом и улыбнулся:

– Это мой авторанспорт. Я на нём и зимой и летом езжу. В Одессе хорошо, снега почти нет, не то, что в Киеве. А у меня велосипед – это вторая любовь. Первая – джаз, рок-н-рол, – опередил он Танькин вопрос. Хотя, впрочем, её мало интересовали предпочтения малознакомого мужчины. Но раз уж она здесь, в его доме, на его дне рождения, надо изображать заинтересованность.

Вдоль стены, противоположной вешалке, стояли в несколько рядов разнокалиберные коробки. Верхние явно открывались, а нижние были крепко перевязаны и даже заклеены сургучом. На всех коробках и ящиках красовались полузатёртые карандашные надписи: постель, бельё, посуда.

– Странно как... подумалось Татьяне. – Вроде Юлька говорила, что они уже лет восемь как в Одессе...

– Ой, Танюша, не обгащай внимания, – затараторила выплывшая из кухни Руфина Николаевна. – Это мы ещё не гешили, когда в Кгым уедем. Мы, кгымчане, всегда хотим вегнуться домой, к могу. Давай, пгоходи в залу.

В «зале» тоже хватало коробок. Они стояли на шкафах, под диваном и столом, жались по углам между стульями. Если бы не они, то комната была бы вполне себе уютной.

– Так, Юля, Таня, давайте помогайте мне, – весело скомандовала Руфина Николаевна. – Видите когобку, на которой написано «обеденный сегвиз», доставайте все оттуда и будем накгывать на стол, – она снова остановилась возле Татьяны и причмокнула в восторге: – Ох, какая кгасивая!..

Ребята собрались идти в подъезд покурить, и Нолик, проходя мимо Таньки, подмигнул ей заговорщицки: приглядиись, мол.

– Во, дают, – усмехнулась про себя Татьяна. – Да у них тут всё по моему поводу давно обговорено и решено.

– Стол накрываем на пятерых? Больше никого не будет? – уточнила Юля.

– Мы гешили тихо отметить, по-семеиному, – отмахнулась Руфина Николаевна.

Женщины быстро опустошили пару коробок, где находился сервиз и разные рюмки, фужеры, бокалы, всё расставили по правилам сервировки и расселись на свободные стулья.

Появилось свободное время и Таня смогла спокойно осмотреться и попытаться понять, во что её втянула подруж-

ка. Но не прошло и минуты, как к ней подскочила Руфина Николаевна. Она подошла почти вплотную, сощурила глаза и всплеснула полными красивыми руками:

– Ай-ай-ай, Танечка, а что это у тебя за пгыщик над бговкой?! Нехогошо. Это я тебе как стагый косметолог говою. Завтга пгиходи после занятий, я тебе масочку сделаю. И следа не останется. Посмотги на меня. Видишь, какое у меня лицо? А ведь мне шестьдесят пять!

Таня робко посмотрела. Да, действительно, тут было на что посмотреть. Лицо у Руфины Николаевны было белым-белым и гладким-гладким. В голове Таньки промелькнули полузабытые строчки Пушкина из её скудных познаний литературы: «Как эта глупая луна на этом глупом небосклоне». Эти строчки возникли у Татьяны из-за глаз Руфины Николаевны. Они напоминали серые, до блеска начищенные солдатские пуговицы и не выражали ничего. Просто смотрели на Таньку в упор. Но морщинок вокруг глаз действительно не было, и лоб был гладким, и подбородок не отвис. Да, несомненно, Руфина Николаевна была женщиной красивой и холёной. Только глаза холодные. А, может, показалось?

Руфина Николаевна отодвинулась и запричитала: – Что-то газ сегодня еле-еле гогит. Уже час никак вода не закипит. Как же мне свагить хинкали? Танечка, ты ела ганьше хинкали? – Танька мелко замотала головой. – Ах ты ж, беда-то какая. Девочка никогда не ела хинкали! А мы, кгымчане, очень любим хинкали. В Кгыму везде едят хинкали. Ну, ничего,

будешь пгиходить к нам почаще, тоже полюбишь хинкали.

Татьяна оглянулась на Юльку, та махнула рукой: не бери, мол, в голову. Вернулись мужчины и все расселись за красивый стол дожидаться горячего. Все были голодны. И вдруг в повисшей тишине у Тани заурчало в животе. Так громко, так настойчиво. Она была готова провалиться сквозь стул куда-нибудь в преисподнюю, но тут Валерик громко сказал:

– Всё, мама, я наливаю, а ты раскладывай всем салаты. Твои хинкали когда-нибудь всё равно сварятся, а мы пока так, на салатиках...

После первого витиеватого Ноликовского тоста во здравие Валерика напряжение спало. Все с аппетитом уничтожили салаты, снова наливали, снова произносили разной степени сложности тосты. Валерику, как выяснилось, исполнялось тридцать девять лет. Тане как-то поплохело: оказывается, он был старше её почти на двадцать лет! Видимо, лицо у Таньки сделалось совсем кислым, потому что Юля легонько толкнула её локтем в ребро. Татьяна встрепенулась, перед её мысленным взором промелькнул заснеженный Мурманск, и она решила не брать данный факт во внимание. А что? На вид Валерик и на тридцать не тянул.

Потом были танцы, снова застолье, потом пешая прогулка до Таниного дома, поцелуй в щёчку и уговор завтра встретиться снова.

Так незаметно пролетела неделя, полная нежности Валерика и материнской заботы Руфины Николаевны. Самир по-

чему-то задерживался и Татьяна стала привыкать проводить все вечера с новыми знакомыми. Валерик водил её в кино и в маленькие одесские кафе и бары. Они пили там коктейли и заедали их пирожными. Да, эти крохотные полуподвальные забегаловки были не чета шикарным ресторанам, в которые водил её Самир, но все они были очень уютны и очаровательны. Танька потихоньку оттаивала. Её уже не смущала огромная разница в возрасте. После странных разговоров с Самиром, когда они использовали в основном жесты и многозначительные взгляды, с Валериком всё-таки можно было поговорить. Правда, темы он выбирал не очень для нее интересные: в основном читал стихи, сыпал фамилиями разных знаменитостей, рассказывал о достижениях науки.

– Господи, – думала Танька. – Ну, что ж мне так не везёт! С Самиром мычали в основном, а с Валериком нужно наоборот поддерживать умные разговоры, в которых я ни в зуб ногой! Может, бросить этот спектакль? – но тут перед её мысленным взором вставали двухметровые сугробы заснеженного Сургута, и она затихала, продолжая делать вид, что все Валерины разговоры ей необыкновенно интересны.

Ей вдруг вспомнилось, как Самир пытался удивить её стихами Есенина: « Ты меня нэ любишь, нэ жальеешь, нэ зовьёшь, нэ плачешь». Смешно. А тут Пастернак, Гумилёв, Северянин... Как далека она от этого!

Через полторы недели, сидя в крохотной комнатке уставленной всевозможной музыкальной техникой, рядами

огромных пластинок в ярких обложках и полками, забитыми кассетами, Валерик стал рассказывать о своих предпочтениях в музыке. Из проигрывателя неслись звуки страдающего саксофона, а Валерик достал несколько альбомов. Там были вырезки из иностранных журналов, но в основном все альбомы были заполнены переснятыми фотографиями каких-то черных людей во фраках с микрофонами в руках.

Валерик сыпал именами: Бадди Холи, Чак Бери, Литтл Ричард, Дорис Дэй, Нат Кинг Коул. Таньке опять поплохело: она любила Бони М и Карела Гота. Всё. Но холодные ветра Сибири быстро привели её в чувство. Пусть так! Я вытерплю, привыкну...

Валерик выключил свет и включил цветомузыку, собственноручно собранную им из новогодних гирлянд. Саксофон надрывался, хриплый голос пел о любви...

А за дверью, приставив вплотную ухо к косяку, стояла довольная Руфина Николаевна.

...Так началась новая Танина жизнь полная трепетного ожидания. Валерик был очень нежен и деликатен. Он продолжал водить её по своим любимым милым полуподвальчикам, читать русские стихи и петь американские блюзы, а потом включать в своей комнатке цветомузыку и ронять её на постель.

А вот Руфина Николаевна начала посматривать на Татьяну с прищуром.

– Господи, как поговинно мыть посуду после... – доноси-

лось из кухни. – Ну, неужели нельзя пить чай, не измазав чашку помадой?

Танька судорожно доставала из сумочки носовой платок и вытирала губы. Валерик успокаивал: с мамой это бывает.

Чем больше цветомузыки становилось в Таниной жизни, тем невыносимее становилась Руфина Николаевна:

– Как же тяжело убегать волосы по всему дому! Конечно, не самой же убегать! – она вроде тихо ворчала гадости себе под нос, но так, чтобы Татьяна её слышала.

...В конце февраля они с Валериком забрели на Пушкинскую. Таня даже сначала не поняла, что произошло: вдруг она перестала слышать Валерика, да и свой голос почти не слышала.

– Посмотри наверх! – прокричал Валерик прямо ей в ухо. – Грачи прилетели!

И действительно, вся Пушкинская была облеплена птицами. Не было видно ни неба, ни домов, ни деревьев. Татьяна сделала шаг в эту сказку, но Валерик жёстко оттащил её назад:

– Ты что? Они же не только поют! Потом не отмоешься! – он поулыбался и сказал: – Весна завтра. А сегодня мама приглашает тебя с Юлей и Ноликом на хинкали. Будем провожать зиму. Нам же тогда так и не удалось попробовать хинкали.

...Ребята, все четверо, весело ввалились в квартиру. Стол был уже накрыт, а в уголке скромно сидела милая трепетная

девушка, почти лань.

– Знакомьтесь, это Бэллочка, дочка моих стагих киевских знакомых. Я тебе, Валегик, про неё гассказывала.

Валерик подошел к девочке и галантно поцеловал ей ручку. Та от неожиданности пошла пятнами и забилась в кресло ещё сильнее. Таня с Юлей переглянулись и молча сели за стол.

Бэллочка недоумённо оглядывала коробки с надписями.

– Ой, Бэллочка, не обгащай внимания, – затараторила выплывшая из кухни Руфина Николаевна, держа в руках огромный поднос с дымящимися хинкали. – Это мы ещё не гешили, когда в Кгым уедем. Мы, кгымчане, всегда хотим вегнуться домой, к могу. Давай, подсаживайся к столу. Валегик, садись рядом с Бэллочкой, а то она никого не знает, стесняется.

Валерик послушно подсел к новой гостье. Он накладывал ей хинкали и салаты и всё время подливал вино. Девочка смущённо хлопала длиннющими ресницами и тихо отнекивалась.

Таня выпила подряд два бокала вина и ей стало как-то полегче. Потом пошли танцы. Валерик всё так же галантно обхаживал новенькую, а Арнольд всё время танцевал с Таней. Добрый-добрый Нолик...

Через час стало потише. Валерик-таки соизволил пригласить Татьяну на танец. Но танцевали они молча, напряжённо.

Когда все расселись по своим местам, Таня услышала

участливый голос Руфины Николаевны:

– Ой, Бэллочка, а что это у тебя за пгыщик на подбогодке? Завтга же пгиходи ко мне. Я же косметолог. У меня есть пгекгасная мазь, и следа от пгыщика не останется.

Это было уже слишком. Татьяна выскочила в коридор, надела сапоги и схватила дублёнку. Хотела уйти тихо, но задела дублёнкой Валерин велосипед. Он упал, звякнул велосипедный звонок, но никто не вышел.

Татьяна в слезах сбежала по ступенькам, выскочила на улицу и услышала птичий щебет. Весна! Весна ведь завтра... Она распахнула дублёнку, подставила голову весеннему солнцу и пошла ему навстречу.

– Ну, Руфина Николаевна! Ну старая сводня! Не пропадёт этот недоделанный генеральский сынок за такой мамашей. Мо-ло-дец. А нам Кгым не нужен! Мы не кгымчане, мы сибиррряки! Эх! – и она громко запела: – Видно, не судьба, видно, не судьба, видно, нет любви, видно, не любви. Видно, надо мной посмеялся ты!..

А распределение Таня получила на Крымскую киностудию.

31.1. Криминальная публицистика

В этом разделе размещены материалы на документальной основе о криминальных событиях в СССР.

32. Дело Девятьярова

Осень 1967 года. Заговор «чёрных полковников» в Греции, война во Вьетнаме, самый разгар культурной революции в Китае. А наша огромная страна – СССР – с небывалым размахом готовится к празднованию 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции. По ещё чёрно-белому телевидению чередой идут программы «В помощь изучающим историю КПСС» или «Вечерние университеты марксизма-ленинизма». Страна всё время «в ритме пятилетки» шла навстречу то 50-летию ВЛКСМ, то 50-летию установления Советской власти в Алма-Ате. Но так случилось, что в это же время, шагая в ногу со всеми к обещанному светлому будущему, только одна категория граждан бывшей столицы КазССР – молоденькие девушки, трагически шли по воле агрессивного сексуального маньяка, кто к изнасилованию, а кто и к смерти.

Сейчас очень трудно найти те конкретные места, где происходили трагедии: там, где был пустырь, стоят многоэтажные дома, улицы по два раза поменяли свои названия, а иных проулочков уже и вовсе нет на карте города.

Но люди, участвовавшие в этой драме, живы, и поэтому все фамилии (кроме самого Девятьярова) изменены.

Начало

С сентября все райотделы милиции самых разных частей города оказались буквально атакованы заявлениями об изнасилованиях. В общем-то, подобные заявления для милиции не редкость, поэтому, естественно, никто в одно дело их не объединял. Но все эти дела роднил почерк: всех девушек насильник заставлял умолкнуть одним и тем же приёмом, так называемым «приёмом бесшумного снятия часовых противника», иными словами – профессионально придушивал. Уже потом, после ареста и опознаний, выяснилось, что насиловал Девятьяров чуть ли не каждый день. Вот хронология заявлений потерпевших только за сентябрь: 11, 19, 22, 26, 29, 30. И это только заявления. Но ведь многие женщины предпочитают не подавать заявлений об изнасилованиях: уж больно неприятное и муторное это расследование. Но к этому вопросу мы ещё вернёмся.

Страшнее другое: то, что не были объединены в одно дело два изнасилования, совершённые практически в одно время и в том же самом месте. Но обо всём по порядку. 30 сентября ученики 8 класса 116 школы ходили в театр им.Лермонтова на спектакль «Заговор императрицы». Обрато ехали всем классом в одном автобусе, и каждый выходил на нужной ему остановке. Было одиннадцать часов вечера. Катя Вечковская выскочила на остановке «Водохранилище» первой и тут же,

перебежав проспект Абая, углубилась в темноту наполовину построенного 8 микрорайона. Мальчики, сошедшие на той же остановке, остались пережидать идущий транспорт. Краем глаза они ещё видели её фигурку, бегущую вдоль бетонного забора к пустырю, за которым был Катин дом. Больше девочку живой никто не видел. Нашли её утром сёстры. Лежала она в кустах в 20 метрах от родного подъезда. «Двадцать метров до дома не дошла», – рыдал отец.

В ту же ночь, только на полтора часа позже, в том же 8 микрорайоне другая девушка, Зоя, возвращалась домой из кинотеатра «Сары-Арка» с двухсерийного фильма «Венгерский набоб». А Девятьяров, проспав часок после убийства Кати на лавочке неподалёку, шёл Зое навстречу, на Абая, чтобы сесть на автобус и уехать домой. Он всего-навсего забрёл в этот микрорайон, чтобы найти своего прораба. Был пьян, поэтому запутался в новостройках. Он не собирался кого-то насиловать, а уж тем более убивать. Поражает именно обыденность всего происходящего: был пьян, мимо шла молоденькая девушка – этого оказывалось достаточно, чтобы догнать, взять за горло и изнасиловать.

Уже позже, когда вовсю крутилась следственная машина, стало ясно, что наш алма-атинский маньяк потому и был так долго на свободе, что не было в его действиях тщательно продуманного, задолго готовившегося злого умысла.

Маньяк-импровизатор

Девятьяров (по отцу Белослудцев) Валерий Прокопьевич, 1944 года рождения родился на золотом прииске в Якутии. Образование – 7 классов.

Много занимался спортом и был очень силён физически. В армии служил в десантных войсках, где и научился своему коронному приёму «бесшумного снятия часовых». В феврале 1967 года приехал к родственникам в Алма-Ату и устроился работать в «Казстроймонтаж».

Как рассказывала его мать, в пятилетнем возрасте его напугала чужая собака, и с тех пор он начал сильно заикаться. Вот это заикание и послужило началом его страшного комплекса, его болезни, если хотите. Здоровый и в общем-то симпатичный парень боялся знакомиться с девушками. Вот цитата из уголовного дела: «Все эти преступления я совершал в основном из-за того, что имел обиду на девушек других за то, что они меня раньше обижали, некоторые не хотели со мной знакомиться, потому, что я заикался. Другие девушки меня передразнивали как заику».

Насколько мне удалось выяснить из материалов дела, пить он начал только после армии, а в Алма-Ате пристрастился ещё и к анаше. Только алкоголь давал ему возможность расслабиться, забыть о комплексе, но он же будил в нём зверя. Есть в деле один показательный эпизод, когда возле Инсти-

туда защиты растений он попытался познакомиться с молодой женщиной, спешившей забрать сына из детского сада. Он даже представился своим настоящим именем – Валерий. Но как только она ответила ему отказом, «начал сильно заикаться и схватил её за горло».

Из множества навалившихся на нас сейчас фильмов о серийных маньяках мы уже знаем, что каждый из них «западает» на что-то определённое: чёрные колготки, яркие губы и т.д. В действиях Девятьярова не было никакой логики. Он просто шёл после работы куда-нибудь выпить, а нелёгкая заносила его в самые разные концы города: Геологострой, ВД-НХ, Аэропорт, Мехпосёлок и даже в район его собственного местожительства: Дехканская (нынешняя Байзакова) и Виноградова. В некоторых девочках он узнавал своих соседок: кого-то отпускал от греха подальше, а с некоторыми даже сталкивался позже на родной улице Ударной. Он их узнавал, а вот им было тяжело его узнать: тёмное время, захват сзади, стресс. Но было ещё одно любопытное обстоятельство, которое позволило сделать работникам милиции довольно точный фоторобот преступника.

Октябрь-ноябрь

Заявления на голову прокуратуры сыпались, как из рога изобилия: 7, 8, 11, 24, 28 октября. В День рождения Комсомола на Красногвардейском тракте Девятьяров попытался изнасиловать ехавшую с ним вместе в автобусе Олю Квакшину, но шедший следом сосед сумел отбить девушку. Через 40 минут совсем рядом, остановкой ниже, Девятьяровым была изнасилована Лариса С.

4, 10, 15, 16, 19, 25 ноября – опять бесконечные заявления из разных мест города с одинаковым способом совершения преступления. Но чем ещё отличался Валерий Девятьяров от остальных маньяков – это жалостью к своим жертвам и своеобразным благородством после изнасилования. Он не торопился сразу отпустить, просил посидеть и поговорить о жизни, накидывал им на плечи свой пиджак, чтобы не сильно мёрзли, вытирал разбитые в кровь губы полкой своего пальто, искал с девочками потерянные неизвестно где туфли, зывал ласково по именам и провожал домой, «чтобы с ними ничего плохого не случилось». Одну из девушек он прихватил на слишком светлом, по его мнению, месте. Когда он поволок её через трамвайные пути в более тёмный закоулок и та отказалась идти босиком, Девятьяров отдал ей свои ботинки, а сам пошёл в одних носках.

Нет, он не был изувером, но вот был ли он здоров психи-

чески? Ведь у него даже была девушка, с которой он познакомился в самый разгар своих преступлений. Но, видимо, её не смутило его заикание и их отношения продолжались вплоть до его ареста. Даже поцеловались они в первый раз только через два месяца после знакомства.

Первый арест

5 декабря, 7 декабря, 10 декабря... 13 декабря молоденькая Вера Полякова возвращалась домой со второй смены. Шёл первый час ночи. На углу улиц Шевченко и 7 линия её догнал пьяный парень и коронным своим приёмом утащил в тёмный угол, к трансформаторной будке. Ни кричать, ни сопротивляться перепуганная девушка не могла. Но её вышли встречать обеспокоенные задержкой отец и сестра: город уже всюду шумел о появившемся маньяке. Они услышали шорох и кинулись на выручку. Отцу Веры удалось ухватить Девятьярова за волосы и с силой ударить головой о трансформатор. Но силы, конечно, были неравны: насильник вырвался и убежал. На земле остались лежать его шарф и пояс от зимнего пальто.

После заявления Поляковых в милицию участковые с фотороботами стали проводить подворный опрос населения. Кто-то и указал, что на Ударной, 25 живёт молодой парень, похожий на рисунок преступника. Но похожим на него оказался и ещё один юноша из этого района. И когда 21 декабря на очной ставке Вере и её сестре был предъявлен Девятьяров в компании ещё троих молодых людей, то его сумела опознать только сестра. Сама Вера указала на другого, действительно очень похожего на фоторобот парня. Не узнали Девятьярова и другие девушки, вызванные в прокуратуру.

Отец Веры забыл дома очки и отказался участвовать в опознании. Сейчас трудно судить: могла милиция найти подходящие очки или нет, почему не провели обыск в домах подозреваемых. А ведь пальто без пояса легко можно было найти в сарае. Почему не проверили больничный, который взял Девятьяров сразу после драки с отцом Веры. Кстати, он вообще часто после неудачных попыток брал больничные, жалуюсь на боли в голове. Не было этого сделано...

А Валерий, перепуганный вызовом в милицию, прибежал домой и стёр сделанные им на стене у изголовья кровати карандашные засечки, которыми он, как заправский снайпер, вёл счёт своим преступлениям. Как сам он потом сознавался, их было уже тогда больше ста.

На какое-то время он затаился. Но, когда его отправили в командировку в Павлодар, он и там умудрился изнасиловать незнакомую женщину. Она, как и многие другие его жертвы, не подавала заявления в милицию. Девятьяров рассказал о ней уже на следствии.

А дела об изнасилованиях начали приостанавливать «до установления лица, совершившего данное преступление»...

Март-апрель

А в феврале всё началось с начала: 27 февраля (изнасилование и убийство), 8 марта два изнасилования и одно убийство), 15 марта (изнасилование), 30 марта (изнасилование), 10 апреля (изнасилование). Опять же, заметим, это только заявления, а сколько реальных попыток и изнасилований было на самом деле, не знал уже и сам Девятьяров.

Город трясло. Дело о серийном насильнике было поставлено на особый контроль уже в Москве. Создали несколько бригад по поимке преступника, в которые входили молодые оперативницы. Они должны были исполнять роли подсадных уток. Но и это не дало никакого эффекта.

11 апреля около 11 часов ночи восемнадцатилетняя Таня Василенко возвращалась домой со второй смены с трикотажной фирмы им.Дзержинского. Жила она на Октябрьской, за кинотеатром Казахстан. Она уже почти дошла до своего дома, когда услышала топот и оглянулась посмотреть, кто это гонится за парнем, бегущим в её сторону? Девятьяров уже почти схватил её, но, на её счастье, её спасла глухонемая соседка, которая сделала всё, что смогла: загремела тяжёлым металлическим тазом, привлекая внимание людей. Выскочила мать Тани, и тогда Девятьяров спокойно отступил. Всё обошлось бы для него и на этот раз, но тут в нашу историю вступает «Судьба».

12 апреля

Родственники Валерия начали подозревать что-то неладное уже давно, но он отнекивался от их вопросов: поздно прихожу – так молодой же, грязный и поцарапанный – подрался, хулиганья-то вокруг вон сколько. Но они на семейном совете постановили отправить его обратно в Сибирь. Валерий согласился, только попросил подождать до 12 апреля, мол, получу аванс, чтобы было на что уехать. Так что, по крайней мере в Алма-Ате, он «вышел на дело» в последний раз.

Человек же, который его поймал, милиционер Отдела охраны правопорядка Советского района Глущенко Василий Константинович, тоже 11 апреля заступил на дежурство в последний раз: с 12 апреля он увольнялся из органов. В 1968 году – это был молодой и тоже очень сильный физически мужчина.

Из рапорта В.Глущенко: «Мы должны были втроём объезжать участок, но сломались рация и мотоцикл. Иванов и Степанов (напарники) ушли в участок за мотоциклом, а я обходил участок пешком. К западу от кинотеатра «Казахстан» я услышал крик «Помогите!» и звон таза. Девятьяров шёл спокойно. Мать Василенко Татьяны сказала: «Догоните его, он гнался за девочкой». Девятьяров побежал, перепрыгнул через двухметровый забор из колючей проволоки, потом ещё

четыре разных забора, выбежал на Советскую и забежал во двор Скорой помощи. Под навесами для машин споткнулся, упал. Я ударил его прикладом пистолета в область спины, заломил руки и сел на него. Вскоре во двор въехала машина Скорой помощи. Я попросил у них что-нибудь, чем можно связать задержанному руки. Врачи дали жгут 2,5 метра из плотной ткани. Они предлагали увезти Девятьярова в милицию на Скорой, но я отказался, потому что должны были подъехать Степанов с Ивановым на мотоцикле».

Девятьяров никак не хотел подниматься, просил: «Убейте меня здесь. Я никуда не пойду». Шли молча, вдруг Девятьяров упал на землю и опять стал отказываться идти, предлагал 100 рублей.

«Я заставил его встать, привязал к дереву, а сам пошёл звонить 02 из дома потерпевшей. Ждали 30 минут, я позвонил ещё раз».

Не дождавшись подмоги, Глущенко потащил упиравшегося насильника дальше. Недалеко от ворот Скорой помощи стоял телефон-автомат и Глущенко, привязав Девятьярова к штакетнику, опять пошёл звонить в милицию. Но ему никто не ответил. Двушки кончились, и Глущенко пошёл попросить денег у дежурной на вахте. Когда вернулся, увидел только «кусочек плотной ткани», болтавшейся на штакетнике. Девятьяров сумел порвать жгут и убежал со связанными руками.

Из рапорта командира мотовзвода Степанова Владимира

Матвеевича: «В 00.15 мы с Ивановым ехали по пр. Сейфуллина на север, чтобы найти Глущенко. Из-за дома, где находится почта № 83, выбежал парень и побежал в сторону Комсомольской. Мы увидели, что руки у него связаны и поехали за ним. На Комсомольской, в кустах он запнулся и упал. Мы решили, что он пьян, и стали растирать ему уши, но он твердил, что никуда не пойдёт, что руки ему связали соседи из-за драки».

Но тут на лай окрестных собак прибежал Василий Глущенко. Девятьяров начал орать, биться головой о землю. Милиционерам пришлось выносить его на руках. Из ближайшего телефона позвонили ещё раз, требуя машину. А Девятьяров всё это время бился лицом о бордюр.

«Мы оттащили его от бордюра, привязали к дереву. В 3.25 снова позвонили 02, требуя машину».

Опять же, не нам судить, почему так долго, почти пять часов милиционеры не могли дождаться машину: то ли тоже все были сломаны, то ли выезжали на другие дела. Ведь никто тогда ещё не знал, что поймали именно его, того, кто пугал и будоражил весь город. Но если бы не счастливое стечение обстоятельств, уехал бы себе Девятьяров в Сибирь и наворотил бы там ещё множество бед.

Конец

Его ведь даже привлекли поначалу только на 10 суток за мелкое хулиганство: больше пока предъявить ему было нечего. Но в дело уже вступили профессионалы. Начали с изнасилования, совершённого 30 марта. Девушка, назовём её Ниной, сопротивлялась, ударила Девятьярова каблуком-шпилькой по голове. И это оказалось первым совпадением в череде ещё огромного количества опознаний, очных ставок, выездов на места преступлений. Нашли в сарае и зимнее пальто без пояса.

С каждым днём картина становилась всё более ясной. В дело подключили психиатров, и те признали его вменяемым. Но, конечно, здоровым этот человек не был. Нездоровье и вменяемость – вещи разные. Был ли вменяемым Чикатило, скрупулёзно готовивший свои преступления? Да. А был ли он здоров? Конечно, нет. Естественно, врачи могли признать нездоровье Девятьярова и сохранить ему тем самым жизнь. Но ведь вы наверняка помните историю нашего людоеда Джумагалиева, который сбежал из закрытой психиатрической лечебницы. И где он сейчас? Кого жуёт на просторах нашей необъятной родины? Здесь закон человеческий вступает в противоречие с Законом с большой буквы. И если врачи рассудили чисто по-человечески – не нам их судить.

Всего с 16 июля 1967 года Девятьяровым было соверше-

но 31 (доказанное) нападение. Из них 21 изнасилование, 3 смерти и девять покушений на изнасилование. Двенадцать девушек были несовершеннолетними.

29 августа 1968 года Верховный суд Казахской ССР под председательством Председателя Верховного суда КазССР Джусупова по совокупности статей назначил Девятьярову высшую меру наказания – расстрел.

И ещё выдержка из документа: «Для взыскания за судебные издержки в сумме 578 руб. 75 коп. в доход государства по описи передаются 12 вещей В.Девятьярова для реализации через комиссионные магазины».

Директор комиссионки, слава богу, признал их непригодными и они были сожжены.

А на станцию Скорой помощи вернули «жгут плотной ткани», только стал он на 80 сантиметров короче.

Редакция благодарит Центральный Республиканский архив РК за помощь в подготовке материала.

33. Дело об убийстве таксистов

В нашем привычном представлении слово “банда” ассоциируется с “Черной кошкой” из бессмертного сериала “Место встречи изменить нельзя”. В кино бандиты и на дело шли вместе, и жили дружным криминальным коллективом чуть ли не в одной комнате. А в громком деле 1965 года, о котором я хочу вам рассказать, не все члены банды даже знали друг о друге. Но обо всем по порядку...

Жил-был в Алма-Ате в районе Геологостроя восемнадцатилетний молодой человек, звали которого Валера Григоров. Мысль об убийстве таксиста пришла ему в голову, как он сам говорил, “совершенно случайно”. 6 ноября он взял обрез с тремя заряженными дробью патронами у своего приятеля для того, чтобы грабить прохожих. Но тут на свою беду проезжало мимо такси. Григоров тормознул его, еще толком ничего не имея в виду.

Место было глухое. Немолодой таксист, видимо, не зная, куда дальше ехать, только и успел сказать: “Слушай...”, как с заднего сиденья раздался выстрел в упор. Григоров забрал 40 рублей выручки, перетащил тело шофера на пассажирское сиденье и решил поехать обратно, поближе к своему дому. Но машину в руках неумелого водителя занесло, и она со всего ходу врезалась в забор. Пришлось бросить ее и уйти с места убийства пешком.

Он прошел совсем немного, как услышал звук мотороллера. Григоров шапочно знал его хозяина, Володьку Замирайлова по кличке Рамодя, неудавшегося боксера и тоже весьма аморальную личность. Григоров попросил за 3 рубля отвезти его домой и по дороге рассказал, что только что убил таксиста, показал обрез.

Для Замирайлова эта новость показалась подарком судьбы. У него тоже была мечта: деньги. Много и сразу. Он уже пытался со своим дружкой Борькой Яуфманом грабить пьяниц на улицах. Ну дали они плохо соображающему алкашу железной арматуриной по голове, ну сняли с него болоньевый плащ и часы... Все было пропито за неделю. А Рамоде хотелось взять кассу родного треста “Казэлектромонтаж”.

И решил Замирайлов во что бы то ни стало взять у Григорова обрез. Для чего предложил ему убить следующего таксиста.

Случилось это через месяц, в День Советской Конституции, праздновавшийся тогда 5 декабря – в праздники народ куда больше на такси ездит, значит, и выручка будет побольше. Завезли шофера почти на то же место, где Григоров убил первого таксиста. Стрелял опять Григоров, опять в упор... 40 рублей разделили, труп бросили у забора, Замирайлов забрал обрез, а машину Григоров отогнал на угол улиц Фурманова и Абая, бросил там и пешком пошел домой.

Но для ограбления родного треста нужна машина: воровской инструмент немало весит, да и с места смываться спод-

ручнее. Так погиб третий таксист, совсем еще молодой двадцативосьмилетний мужчина...

Его труп Яуфман с Замирайловым бросили в канализационный колодец в том же многострадальном районе Малой Станицы, а машину с тяжелым трансформатором оставили на углу Карла Маркса и Горького, рядом с конторой треста. Пока они ходили в разведку, одиноко стоящее такси с погашенными фарами заметил патрульный наряд. Бесхозная машина насторожила милицию: к тому времени город уже всю шумел об убийствах таксистов. Но бандиты, увидев суету вокруг автомобиля, естественно, убежали дворами, отложив свое предприятие на месяц.

Люди постарше хорошо помнят, что за каста такая была – таксисты: веселые балагуры, считающие себя элитой шоферского мира, поэтому, если случалось что-то серьезное, они становились друг за друга стеной. Если бы убили троих строителей или, к примеру, учителей, то, скорее всего, дело не получило бы такой огласки, но таксисты – народ подвижный, общающийся с массой людей, поэтому молва быстро разносила новости об убийствах по всему городу, и вскоре милиция уже сбивалась с ног, разыскивая убийц.

Пока расследовалось это дело, полетела не одна голова милицейских начальников, ведь огнестрел в 65-м году был явлением из ряда вон выходящим. Развязка наступила до некоторой степени случайно. Замирайлов после убийства третьего таксиста вернул обрез Григорову. На встрече Ново-

го года между Григоровым и его дружкой Владимиром Кучевасовым произошла мелкая ссора, и пьяный Валерий, не стерпев обиды, сбегал в сарай за обрезом и ранил Кучевасова в ногу. Поскольку вся компания так или иначе была связана с криминалом, а “скорую помощь” надо было вызывать, была придумана душеспитательная история о ранении “бедного Володи” пьяным незнакомцем. Женщины быстро замыли кровь, а обрез выкинули в выгребную яму. Приехавшие милиционеры с сочувствием выслушали наскоро придуманную сказку, не обратив внимания ни на гарь от выстрела, ни на дырку в стене. Все это всплывет уже потом.

Замирайлов с Яуфманом тоже без дела не сидели. Неудачно повторив попытку ограбления кассы треста “Казэлектромонтаж”, они отложили свою хрустальную мечту до лучших времен, а сами занялись разбойными нападениями на пьяных припозднившихся прохожих. Теперь уже били слесарными молотками. Грабить предпочитали в дни авансов и получек. Так до середины апреля они покалечили десять человек, а одиннадцатый, совсем мальчишка, скончался, не приходя в сознание, в больнице.

Все трое вообще не сильно скрывали от своих знакомых, что убивали таксистов, грабили прохожих. Удивительно, но в той нашей стране, в которой доноительство на законопослушного соседа было обычным делом, но не совести, а зависти – отношение к явным уголовникам оставалось исторически каким-то боязливо-уважительным.

И получилось так: никто из посвященных в “подвиги” юных мерзавцев в городской отдел милиции не сообщил, а разрозненные районные отделы не могли объединить похожие дела в одно большое дело конкретной организованной банды. Но в конце концов нашелся человек, который сумел объединить эти территориально разобщенные дела – следователь городского отдела милиции Михаил Семенович Коваленко. Он затребовал из всех районных отделов дела, где мелькало огнестрельное оружие. Таким образом вышли на ранение Кучевасова и извлекли на божий свет из выгребной ямы обрез. Научно-техническая экспертиза была абсолютно категорична: данный обрез с убийств таксистов. Так 16 апреля арестовали Григорова, за ним Замирайлова, а тот уже рассказал о Яуфмане. Позднее Коваленко за блестящее раскрытие этого дела был награжден орденом Красной Звезды.

Суд над убийцами был открытым. Десять дней подряд зал Дома культуры АРЗ-2 не вмещал всех желающих, и весь судебный процесс через громкоговоритель транслировался на многотысячную толпу на площади вокруг здания. Всех троих приговорили к высшей мере наказания, несмотря на бесконечные прошения о помиловании. И, наверное, для Григорова это было благом, потому что ему “каждую ночь снились убитые им таксисты и все спрашивали: “За что?” А ответить на этот вопрос ему было нечего.

9 августа 1966 года всех троих расстреляли. И не жаль.

34. Дело об исчезновении диктора

Это была самая длинная зимняя ночь в году, самая длинная и самая страшная в жизни Адила. Он долго сидел в другой комнате в тупом оцепенении. Ближе к утру стали появляться мысли. Но думать мешали все еще стоявшие в ушах оскорбительные крики жены. От них нужно было избавиться, как и от тела Галии. Да, уже неживого тела. Он понял, что убил ее, как только пришел в себя. И вот теперь нужно было что-то делать...

Из заявления А.Лукпанова в РОВД Октябрьского района г.Алма-Аты:

“23.12.82 г. я ушел на работу в 7.00. Жена спала. Мы договорились, что она пойдет в районо насчет детского сада. После пойдет искать мне костюм и если найдет, то позвонит. Но не позвонила и домой не пришла”.

Он рассказывал, что они с Галией женаты уже пять лет, у них двое детей, которые находятся в Кзыл-Орде, у родителей жены. Они вынуждены были отправить туда малышкой, потому что в новом микрорайоне “Дария” (сейчас “Айнабулак”) детский сад еще не построили.

Из заявления А.Лукпанова: “У меня начиналась простуда, поэтому я отпросился домой пораньше. Дома был в 17.00. Попил чай и лег спать. Я не знал, что ее на работе не было. В 21.30 я выскочил на улицу встречать свою жену, стоял на

остановке, ходил туда-сюда. Стал звонить из телефона-автомата к ней на работу, но не дозвонился. Я решил, что она у своей подруги по работе в микрорайоне “Аксай”. Там телефона нет. 24.12.82. я позвонил жене на работу. Мне ответили, что вчера ее на работе не было. После этого стал обзванивать все больницы и знакомых”.

На работе тоже были удивлены отсутствием Галии. Раньше она всегда предупреждала, если не могла по какой-то причине выйти в эфир. Ждали до последнего, и за десять минут до эфира ее заменил руководитель дикторской группы.

Естественно, первой и главной версией следователей была версия ссоры между супругами, закончившейся убийством. Но в квартире было убрано и крови не нашли даже при помощи ультрафиолетового осветителя. Проверили машину ЕрАЗ-762, принадлежащую НПО “Казсельхозмеханизация”, которой иногда пользовался Лукпанов, работавший там старшим инженером. С тем же успехом.

Были опрошены все соседи Лукпановых. Но дом был заселен всего полгода назад, и люди еще плохо знали друг друга. А шума никто не слышал.

27 декабря были разосланы ориентировки по поиску пропавшей без вести Г. Лукпановой во все РОВД города, областную и городскую ГАИ, пограничные части и отделы гражданской обороны. Везде результат был отрицательным: ни в какие аварии Галия не попадала, из республики не уезжала, по милицейским сводкам не проходила.

Из заявления А. Лукпанова: “Жена была одета в японский цветастый платок с блестками, дубленку коричневую, размер 46, розовый шерстяной костюм, зимние сапоги. На шее была золотая цепочка с кулоном (полумесяц со звездой)”.

И тут стали выясняться некоторые подробности жизни Галии. Оказывается, она все время пользовалась услугами ломбарда и бесконечно закладывала и перезаклаживала свои немногочисленные драгоценности. При ее зарплате в 160 рублей и зарплате мужа 130 ей хронически не хватало денег. Работа диктора требовала от Галии всегда хорошо выглядеть. И если с лицом у нее все было в порядке, то с нарядами была проблема. Ну никак не получалось выкроить из небольших зарплат деньги на частую смену туалетов.

Они долго жили на разных съемных квартирах, приходилось бесконечно переезжать: хозяевам не слишком нравился шум, поднимаемый двумя маленькими детьми. Адиль специально не уходил с низкооплачиваемой работы: ему пообещали в скором времени выделить квартиру. Весной они въехали в новый дом. И опять проблемы: трехкомнатную квартиру надо обставлять, а дети растут и требуют все больше внимания и денег. Галия уставала и сильно нервничала, а ей надо хорошо выглядеть, потому что она “всегда на виду”.

Красота требует жертв

Следственной группой были опрошены сотрудники телецентра. Все в один голос говорили о неприязненных отношениях между Лукпановой и другим диктором, ведущей передачи на казахском языке, Розой С. Они были ровесницами и соперницами, но по части нарядов Галия ей безнадежно проигрывала. Престарелый муж Розы, профессор театрального института, одевал ее как куколку. А тут еще профессора назначили преподавать работникам телестудии дикторское мастерство, и он очень низко оценил профессиональные данные Галии, утверждая, что у нее есть дефекты речи. Из-за его ли оценки или нет, но ее сняли с ведения информационной программы “Казахстан” и поставили вести детские передачи.

Следователи хватались за любую информацию: не могли ли дефекты речи возникнуть от телесных повреждений? Проверили всех лор-врачей и травматологов во всех медицинских учреждениях города, включая маленький медпункт в “Айнабулаке”. Поднималась и версия криминального абортта – опять ничего.

Из объяснительной главного режиссера телевидения: “Последний раз я видел Галию 21 декабря. Она попросила у меня два билета на “Тамашу”. Мужа она на концерт не приглашала. Может, у нее был тайный роман, о котором никто не догадывался?”

Следователями были просмотрены пленки “Тамашы”, снятой 21 и 22 декабря во Дворце им.Ленина. Они допросили всех сотрудников телецентра, которые попали в кадр. Никто из них Галию ни одну, ни с кем-либо на концерте не видел.

Были найдены все сокурсники Лукпановой по университету. Подруги отзывались о ней, как о вспыльчивой, но отходчивой девушке. Все ее бывшие воздыхатели благополучно переженились и к мужу совершенно не ревновали.

Опросили абсолютно всех знакомых Галии, с которыми она общалась в последнее время, проверили парикмахерскую, ателье, работников музея, куда она сдала на продажу антикварную вазу – подарок тещи на новоселье. В милицию Кзыл-Орды было отправлено поручение опросить всех родственников Галии, установить характер их взаимоотношений с нею, выяснить, кто и где находился в те дни, когда она пропала.

Еще и еще раз проверялись аэропорты и железнодорожные вокзалы. Но какую бы версию ни отработывали следователи, основной все равно оставалась версия убийства Галии собственным мужем. Были опрошены все коллеги Адиля, но они повторяли одно и то же: “Лукпанов – очень спокойный и покладистый человек”.

Выяснилось, что брак с Галией у него не первый. Но и бывшая жена говорила: “Адиль не был конфликтным и агрессивным человеком”. Она допускала, что если его дове-

сти, он может, в принципе, дать пощечину: случилось такое однажды. Но чего не бывает между супругами за семь лет жизни? Разошлись они из-за того, что она не могла иметь детей, но развод не был скандальным. Опять тупик.

Милиция продолжала поиски. Были разосланы ориентировки уже по всем областям КазССР и республикам Средней Азии. Отрабатывался круг ранее судимых лиц, которые, в принципе, могут быть причастны к исчезновению женщины. Было проведено три физико-технических экспертизы по совмещению фотографии Галии с останками найденных в окрестностях города скелетированных частей женских черепов. Не совпали.

29 марта 1984 года дело об исчезновении Г. Лукпановой было приостановлено до появления информации, представляющей интерес для следствия.

Шли годы, но следователи не оставляли надежды отыскать Галию и все время держали в поле зрения Адиля. Он явно очень нервничал и переживал. Стал пить, опустился, перешел работать слесарем на автобазу. В один из таких загулов, 23 февраля 1988 года, он ввязался в драку у пивного ларька и был арестован на 15 суток за мелкое хулиганство. Милиционеры тут же воспользовались представившейся возможностью допросить его еще раз. И он сознался...

Он говорил взахлеб, не останавливаясь, он радовался тому, что может наконец-то кому-то рассказать о своей страшной тайне, которая за эти годы буквально съела его изнутри.

...Тот роковой скандал длился уже несколько часов. Адиль был сам не рад, что вернулся домой пораньше. Начинающийся грипп мешал думать. Каждое слово Галии отзывалось в ушах многократно повторенным эхом. Он жутко устал от этих ссор и не раз уже успел пожалеть, что пять лет назад так скоропалительно женился на молоденькой начинающей журналистке. Тогда в любовном пылу некогда было, да и не хотелось думать о том, как они смогут жить вместе. Главное, что Галия родит ему детей, а там все само собой образуется, ведь они хоть и совершенно разные, но главное, любят друг друга.

Но с каждым месяцем становилось ясно: они не просто разные, а несовместимые для семьи люди. Началось все с того, что Галия так и не смогла простить матери Адилья, которая не заплатила за нее калым. Ее кзыл-ординские родственники помалкивали, но она-то знала, что они думают и говорят по этому поводу. И всегда, когда возникала ссора, все сводилось к этому факту из биографии советского инженера.

Адиль не мог уволиться и перевестись на более высокооплачиваемую работу из организации, которая только что выделила ему новую трехкомнатную квартиру. Зарплата оставалась прежней, и денег на растущие запросы Галии стало не хватать просто катастрофически. Он все чаще уезжал от бесконечных скандалов в командировки, и это тоже ставилось ему в вину.

А тут еще на Новый год в Алма-Ату собрались приехать

родственники из Кзыл-Орды. Галия знала, что они не поймут ее, уехав обратно без подарков. Так было всегда, сколько она себя помнила: родня приезжала со своими дарами, но уезжала, нагруженная подарками хозяев. Молодая женщина металась по городу, пытаясь занять деньги, заложила в ломбард почти все свои драгоценности, а мужу хоть бы что. Он не понимал ее, он вырос совсем в другой обстановке. Его мать, врач, после смерти отца Адиля вышла замуж и уехала в Москву. И жила она там по своим, московским, законам, ничего не требуя от сына, но и не помогая ему.

Галия распалась все больше. В ход пошли запрещенные приемы: и слабохарактерный он, и дети не от него, и уйдет она от него, оставив ни с чем, потому что ему, “тюфяку”, ничего, кроме его работы, не надо. Она замолкала на какое-то время, а Адиль проклинал себя, что вернулся с работы пораньше, моля бога, чтобы все это поскорее закончилось. Он не мог лечь в постель, чтобы хоть немного отлежаться, не мог налить себе горячего чая, чтобы стало хотя бы немного полегче думать, он просто сидел и ждал, когда жена успокоится.

Но вместо этого Галия заскочила в комнату со скалкой и стала требовать от него вымыть полы, “чтобы от него в доме был хоть какой-то толк”. “Тебе надо, ты и мой”, – начал закипать Адиль. Тогда Галия кинулась на него со скалкой, норовя ударить по голове.

... Что было дальше, он помнит плохо. Помнит, что силь-

но ругался – это точно. А как он выхватил у жены скалку, как нанес ей удар по голове, осталось где-то за пределами сознания. Это было как в страшном кино: кто-то хватает скалку, бьет Галию, его Галию, по голове, потом душит, потом снова бьет, уже прямо по лицу, и все время дико, жутко ругается.

Адиль долго сидел в оцепенении в другой комнате. Теперь на уши давила полная тишина. Он закрыл уши руками, опять прокручивая в голове недавний скандал. Этого не может быть, это просто болезненный кошмар. Галия сейчас выйдет из кухни и скажет, что она приготовила ему горячий чай с малиновым вареньем. Он выпьет его, ляжет в постель, и уйдет весь этот ужас, потому что это ему привиделось из-за высокой температуры. Этого просто не может быть...

В три часа ночи он понял: надо что-то делать. У его маленьких детей уже нет матери, а теперь не будет и отца. Ведь его посадят за убийство жены, надолго посадят. Значит, нужно избавиться от тела Галии.

Адиль действовал, как робот. Нашел два мешка из-под картошки, в один сунул дубленку, платок, сапоги и костюм, в другой – тело жены. Спустился в подвал и в самой дальней секции закопал труп подвернувшейся там же, в подвале, забытой кем-то лопатой. Утром он пошел на работу, а вечером вышел на автобусную остановку встречать жену, которой у него уже не было.

Он, как и положено, подал заявление в милицию, что-то объяснял следователю и убитому горем тестю, тут же прие-

хавшему на поиски дочери. Он продолжал ходить на работу, как мог, воспитывал детей, но все это было ничто по сравнению со страшным мешком в подвале, закопанным всего в нескольких метрах от его квартиры.

Время шло. Он молчал, стал пить, чтобы хоть немного забыться. Но ничего не помогало: его страшная тайна разъедала его изнутри, сделала невротиком и алкоголиком. И когда следователи в очередной раз решили выяснить детали исчезновения Галии, он сознался. Он плакал и говорил без остановки о двух совершенно разных людях, вынужденных жить под одной крышей, о маленьких, ничего не понимающих детях, которые намертво скрепляли этот никому не нужный союз, о скалке, которая так некстати оказалась в руках разъяренной жены... И о ночи 22 декабря, самой длинной зимней ночи в году, которая превратилась в самую длинную ночь в его жизни.

При написании статьи использовались материалы из фондов Центрального государственного архива РК.

35. Вопрос полувековой давности

Далёкие семидесятые

Этот случай из своей практики мне рассказал полковник милиции в отставке АМРАК ТАИПОВИЧ ХАСАНОВ. В своё время писатель Иван Щеголихин уже описал эту невероятную историю в повести «Пятый угол». Но это, во-первых, литературное произведение, в котором вполне допустимы некоторые вольности, а во-вторых, сейчас есть возможность опубликовать интересные подробности, об упоминании которых в семидесятые годы не могло быть и речи.

Тогда, в 70-м, для старшего следователя УВД капитана милиции Амрака Хасанова это дело началось с обращения в милицию гражданина Узбекистана Насырова. В своём заявлении он жаловался, что попался на удочку мошенника. Из объяснительной Насырова стало ясно следующее: он приехал в Алма-Ату, чтобы купить, минуя всяческие очереди и списки, автомашину «Волга». Естественно, пришёл он в «Тулпар» – единственный магазин в городе, где это можно было сделать. Пока богатый узбекский товарищ изучал объявления на доске, к нему подошёл гражданин приятной наружности и предложил свои услуги: мол, он продаёт ему машину за полцены, а полный расчёт состоится через месяц,

после оформления всех документов.

Заява

Продавец (пусть он будет для нас Юрием Деточкиным, так как настоящее его имя мы называть не вправе: он уже давно отбыл заслуженное наказание) оставил Насырову свой домашний адрес, телефон и все паспортные данные, так что никаких подозрений у новоиспечённого автовладельца не возникло. Он спокойно уехал в родной Андижан на белой «Волге» (госномер 09–76 АТЖ) и стал дожидаться вестей из Алма-Аты. Но время шло, известий не было, и Насыров вновь наведаясь в Казахстан, нашёл Деточкина и потребовал документы на авто. Юрий долго водил его по коридорам алма-атинской ГАИ, плёл небылицы о каких-то трудностях с оформлением, и в конце концов возмущённый Насыров обратился с заявлением в органы.

Капитан Хасанов быстро выяснил, что эта машина было украдена у шофёра председателя колхоза «Луч Востока», которую тот выиграл в лотерею и толком даже не успел на ней покататься. «Волга» была возвращена законному владельцу, а вот личностью Деточкина Амрак Таипович заинтересовался всерьёз. Да и в самом деле было чем заинтересоваться.

Юрий Эдуардович Деточкин был вором интеллигентным – солидный семейный человек, хорошая должность начальника «Гормостстроя». Все тогдашние подземные переходы в Алма-Ате были построены под его руководством. Но факт

оставался фактом: именно на него указывал гражданин Узбекистана Насыров, да и госномер 09–76 АТЖ, изъятый с украденной машины, принадлежал именно ему.

Дело завертелось

По адресу, который дал Насыров, был произведён обыск, но ничего, указывающего на преступную деятельность Деточкина, найти не удалось. Однако, улик хватало и без этого, поэтому прокуратура дала ордер на арест подозреваемого и всей его корреспонденции. Юрия Эдуардовича поместили ИЗО КГБ, чтобы наверняка изолировать от каких-либо вестей с воли. На всех допросах он от всего открещивался или просто молчал.

Вообще, надо сказать, что угоны и кражи автомобилей были и тогда большой головной болью для милиции. И крали, и угоняли машины ничуть не меньше, чем сейчас. На все украденные автомобили ГАИ рассылала ориентировки по всему Союзу. И на одну из таких ориентировок пришёл ответ из Фрунзе (ныне Бишкек) о найденной на окраине города бесхозной и разграбленной «Волге».

Цитата из запроса: «На ободке левой фары имеются отпечатки ладонной поверхности руки человека. На зеркале заднего вида имеются следы пальцев рук. В багажнике найдена газета «Вечерняя Алма-Ата» за 30.04.70 г.»

Отпечатки с фары совпали с отпечатками пальцев Юрия Эдуардовича. Сомнений не оставалось: случай с Насыровым – не единственный, здесь явно проглядывалась серия. Но Деточкин упорно молчал. И тогда Амраку Таиповичу при-

шлось включить всю свою фантазию и артистизм. Он узнал, что у Юрия Эдуардовича родился сын-богатырь – 5 кг100 г. Следователь накупил цветов, фруктов и пришёл в изолятор поздравить новоиспечённого отца. На радостях Деточкин расплакался и сознался в краже машины, найденной во Фрунзе.

Дальше – больше

В скором времени органами милиции был перехвачен перевод из Намангана на 500 рублей, подписанный неким Анваром. Уже с помощью милиции Узбекистана Хасанов установил адрес Анвара Керимова, преподавателя местного ДОСААФ, и, взяв с собой старшего оперуполномоченного Валериана Кушекова, отправился на поиски ещё неизвестных, но явно существующих украденных машин. Как и положено, сначала зашли на приём к начальнику УВД Намангана, тогда ещё полковнику Эргашеву. Это тот самый Эргашев, в восьмидесятые годы уже генерал-лейтенант, министр внутренних дел, который застрелился в связи со знаменитым узбекским делом Гдляна и Иванова. Амрак Таипович представился и доложил, что ему нужна помощь местных органов. Эргашев нажал кнопку и распорядился: «Ребятам – машину, инспектора, и чтобы они никаких забот не знали».

В кишлак, где жил Анвар, приехали поздно ночью. Маленький, щупленький, юркий и хитрый, он тоже не хотел рассказывать о своей связи с Деточкиным и делал вид, что совсем не понимает по-русски. С этим внезапным незнанием языка Амрак Таипович сталкивался ещё не раз. И тогда Хасанов переходил на родной уйгурский, который похож на узбекский: только так, с грехом пополам, удалось объясниться с нежелающими отдавать чужое узбеками. Но в случае с Ке-

римовым не помогло и это. И вот, как в шпионских романах, Хасанов потребовал остановить машину посреди бескрайнего хлопкового поля. Кушеков вытащил пистолет: «Выходи!». Керимов уцепился за сиденье: «Я всё скажу, начальник! Одна машина – как раз по дороге».

В три часа ночи приехали в нужный кишлак, проверили номер на двигателе стоящей в одном из гаражей «Волги». Всё совпало: эта машина уже полгода находилась в розыске. Деточкин угнал её от кинотеатра «Алатау» ещё в октябре шестьдесят девятого. Хозяин с женой пошли проливать слёзы на длиннющий индийский фильм, так что времени у Юрия Эдуардовича было предостаточно.

Преступный гений

Действовал он следующим образом: пока законные хозяева смотрели кинофильмы, спектакли, концерты или мылись в бане, он одним из своих 64 подобранных ключей открывал машину, угонял её в безлюдное место, навешивал на неё законные номера с собственной белой «Волги» и через перевал Кумчик уходил в Узбекистан. Двух-трёх часов ему хватало, чтобы к моменту обнаружения быть в сотнях километров от Алма-Аты. Вот только с предпоследней машиной ему не повезло: недалеко от Фрунзе потёк радиатор и машину пришлось бросить.

Деточкин и Анвар Керимов хорошо понимали друг друга. Керимов никогда не спрашивал у него, откуда бралась очередная «Волга». Он просто покупал её без документов за 4–5 тысяч рублей, а потом так же, без документов, перепродавал своим соплеменникам тысяч за 8–10. В глухих кишлаках Ферганской долины о советской власти знали только понаслышке. Анвар работал преподавателем ДОСААФ, имел возможность сделать покупателям липовые права на вождение. А о существовании техпаспорта на машину «бедные» дехкане из благодатной Ферганской долины вряд ли вообще знали. А если и знали, то не очень-то и хотели иметь.

Так, например, второй покупатель, на которого указал Керимов, находился в Папском районе Ферганской области –

в совхозе имени Ленина, которым руководил Герой Социалистического Труда, член ЦК и член Ревизионной комиссии ЦК Компартии Узбекистана Адылов. Да, тот самый Адылов, который, как гласит народная молва, пинком открывал двери кабинета первого секретаря ЦК КП Узбекистана Рашидова и благодаря которому мы в середине 80-х узнали, что такое «зиндан». Адылов обладал в Узбекистане огромной властью, но откуда было об этом знать капитану милиции из Алма-Аты Хасанову?

Воры от власти

К воротам совхоза группа подъехала в четвёртом часу ночи. На воротах – охранник: «Не пущу. После десяти не велено». Тогда Хасанов позвонил начальнику РОВД Папского района: «Что у вас тут за порядки? Я – представитель власти. Мы уже сутки почти не спим. Дайте команду, чтобы мы посмотрели машину: наша – не наша». – «Ты что, с ума сошёл?! Да меня директор совхоза с потрохами съест!»

Так и не пустили их на территорию совхоза. Пришлось ночевать в чистом хлопковом поле.

Утром рано их приняли. Машина оказалась действительно «нашей», угнанной в своё время у директора проектного института «Казгипрокоммунстрой». Но вот забрать её следователи не могли: нужна была команда Адылова. Хасанов идёт в правление, где ему говорят, что Адылов – дома. Идёт к нему домой, а жена отвечает, что муж уехал в правление. В правлении делают предположение, что директор уехал «на поля». Эта игра в «кошки-мышки» продолжалась два дня. Наконец кто-то сжалился над опергруппой и посоветовал обратиться к брату Адылова, работавшему там же агрономом. Амрак Таипович начал угрожать: «Если я сейчас не заберу машину, то еду прямо в Ташкент и иду в ЦК».

Подействовала эта угроза на всеильного Адылова или нет, неизвестно. Но, скорее всего, он решил не устраивать шума из-за подобной мелочи, тем более, что машина давно и безнадёжно была не на ходу. Вот так у следователя Хасанова стало ещё на одну машину больше головной боли. В Узбекистан были вызваны все три хозяина найденных «ГАЗ-21», которые с огромной радостью сами и чинили, и гнали домой свои давно оплаканные машины.

Вместо эпилога

А Юрий Эдуардович так больше ни в чём и не сознался, и неизвестно, сколько же он на самом деле угнал машин. Да этого, впрочем, уже и не требовалось. Естественно, был суд – ему дали шесть лет, из которых он отсидел в Заречном три года. Но его деятельная натура и там не давала ему покоя. Через Амрака Таиповича, с которым у него сложились доверительные отношения, он передавал на имя председателя горисполкома рацпредложения о строительстве подземных переходов без вскрытия асфальтного покрытия. Затем за ударный труд и примерное поведение его освободили досрочно, и он какое-то время работал прорабом на строительстве пионерского лагеря «Держинец».

В 1972 году стотысячным тиражом вышла повесть Щеголихина, разошедшаяся просто мгновенно. Историей заинтересовались на телевидении и захотели сделать передачу. Но, видимо, это было уж слишком: такой огласки Юрий Эдуардович не хотел. Говорят, он уехал с женой в Подмосковье, и его дальнейшая судьба Хасанову неизвестна.

Но один вопрос продолжает мучить и Хасанова, и всех, кто знает эту историю: зачем Деточкин это делал?

36. Другая «чёрная кошка»

Все мы любим фильм «Место встречи изменить нельзя». Братья Вайнеры написали повесть «Эра милосердия», опираясь на архивные данные. В послевоенной Москве действительно орудовала жестокая банда, называвшая себя «Чёрной кошкой». Но мало кто знает, что и в Алма-Ате была своя «Чёрная кошка»...

Алма-Атинским бандитам и в голову не приходило сравнивать себя с московскими – это сделала за них людская молва. В ознаменование победы над фашистской Германией прошла большая амнистия: на свободу было выпущено огромное количество воров и бандитов всех мастей. И они опять стали грабить и убивать, наводя ужас на мирных жителей...

Всё началось 27 октября 1945-го. Фронтовик Михаил Корчной пошёл на алма-атинскую толкучку, чтобы продать френч и шинель. Выручка была совсем неплохой – две с половиной тысячи рублей. Он и не подозревал, что за ним следили бандиты: выждав момент, ударили сзади по голове, подхватили под руки и поволокли в тёмный переулок. Раздели, забрали деньги, талоны на хлеб и промтоварные карточки. Когда стали стаскивать сапоги, Корчной очнулся и закричал. Бандиты убежали, а полураздетый раненый фронтовик целую ночь стучался в дома, просил о помощи – никто

ему не открыл.

Когда читаешь показания потерпевшего, не перестаёшь удивляться, как избирательна человеческая память. Ведь все мы слышали ностальгические рассказы стариков о том, что раньше двери никогда не запирались, и воров никто не боялся. Ничего подобного. По крайней мере, осень и зима 45-го были пропитаны страхом перед бандитами.

Главарём банды стал 24-летний вор-рецидивист Вячеслав Бороданов – «большой вор», как о нём отзывалась его подруга, тоже ранее судимая, Мария Полякова (она же Любовь Дубровская, она же Надежда Власова). Отец её – знаменитый ростовский вор – был убит при задержании ещё до войны, а мать сгинула в лагерях. Вряд ли она была так же очаровательна, как незабвенная Манька-Облигация, но схожесть в судьбах явно прослеживается.

Остальные члены банды – несовершеннолетние урки, уже успевшие и народ пограбить, и на зоне отсидеть. Сейчас таких называют отморозками: украл, выпил – в тюрьму. Вот, собственно, и вся их недолгая биография. Тем страшнее читать про тот ужас, который напустили они на тогдашнюю Алма-Ату – маленький и не знавший войны городок. Где-нибудь в Ростове они, скорее всего, растворились бы среди серьёзного преступного мира, а в нашем городе удостоились «честь» именоваться «Чёрной кошкой».

Грабили в основном женщин: под угрозой револьвера снимали модные тогда горжетки, белые пуховые шали и ка-

лоши. Всё это сдавали скупщику краденого или сами продавали на толкучке. Не брезговали курами, поросятами, овощами – да сами всё и проедали. В дома вламывались просто: могучий Бороданов выбивал окно или дверь, и бандиты, не обращая внимания на крики людей, тащили всё, что попадётся под руку. За три месяца они совершили 14 вооружённых ограблений, два убийства, изнасилование и «два нанесения тяжких телесных повреждений» (цитирую по протоколам).

8 декабря ученица 8-го класса одной из алма-атинский школ Нина З. возвращалась домой в детский сад, где власти выделили место дл жилья её бездомной матери – заведующей этим детским садом. Три бандита остановили её рядом с домом. Наставили парабеллум: «Раздевайся и не ори, а то хуже будет!» Перепуганная девочка разделась, и они изнасиловали её, ограбили, а потом ещё и пырнули в грудь ножом. Нина едва доползла до дома.

Но через минуту в дверь детского сада требовательно постучали. Бандитам показалось мало раздетой девочки – они решили ограбить детский сад. Хлипкая дверь закрывалась только на крючок, и завхоз Трофимцева, понимая, что они в любую минуту могут выбить её, изо всех сил удерживала дверь двумя руками. Тогда бандиты выстрелили через дверь. И ушли. А у порога осталась лежать убитая ими молодая женщина.

Нина З. выжила и дала показания. 10 декабря в доме од-

ного из бандитов – Николая Овчарского по кличке Кока – была устроена засада. С дела возвращались Бороданов, Овчарский и Чубаев. При задержании они оказали сопротивление: участковый Маслацов сумел втащить в дом лишь Бороданова, остальные скрылись.

Подельники укрылись в доме Михаила Абрамишина. И уже на следующий день опять пошли на дело. Грабили прохожих по два-три раза в день. Вечером 18 декабря они втроем решили пробраться в больницу, где лежал раненый Бороданов, и выручить друга из беды. Но по дороге напали на прохожего возле кинотеатра «Алатау». С пьяных глаз Чубаев устроил стрельбу. Шум привлёк милицию, и всех троих задержали.

Бандиты предстали перед судом. Было их тринадцать человек. Возмездия избежал лишь Михаил Абрамишин – вор по кличке Оренбургский. Он покончил жизнь самоубийством, вбив в камере себе в голову ржавый гвоздь. В показаниях он написал: «Я работал весовщиком на кондитерской фабрике. Не нуждался, просто хотел больше денег на водку, папиросы и кино».

Бессмысленная жизнь и дикий бессмысленный конец. А туда же – «Чёрная кошка»...

Благодарим Центральный республиканский архив РК за помощь в подготовке материала.